

16+

Распространяется бесплатно

ФИННИКОВЫЙ КОМПОТ

{№5}, октябрь 2013: Курение

В НОМЕРЕ:

Редакторская
Евгений Логинов

стр. 2

Пролегомены к понятию «курение»

стр. 3

Дух и зелье
Арсений Постников

стр. 6

Практическое руководство по сворачиванию
парадигмы постмодернизма
Кир Гудошников

стр. 8

Этика стрельяния сиг
Дмитрий Шмалый

стр. 9

Колумб Америку открыл...
Елена Бояршинова

стр. 10

Искусство дымов и ритуал
некромантической эвокации Бенвенуто Челлини
Владимир Винокуров

стр. 13

Трубка р.Исраэля бен Элиэзера
Давид Апфельбаум

стр. 16

Мифы о пассивном курении
Андрей Мерцалов

стр. 17

«Что есть табак» А.М. Ремизова
Александр Басов

стр. 19

Рецензия: Сознание, вещи, Васильев
Федор Гиренок

стр. 20

Рецензия: Мераб в аналитическом соусе
Антон Кузнецов

стр. 21

Философские сообщества: Тюбингенский кружок
Евгений Логинов

стр. 24

Интервью с Романом Адриановым: Магия с мясом

стр. 27

Идентичности: Быть масоном
Александр Рыбалка

стр. 29

Редакторская

Место человека в мире сдавлено, как ветхая средневековая лачуга между двумя архитектурными чудовищами Нового времени. С одной стороны, его, человека, личность, а с другой — иерархия, в которую эта личность включена. Дышать в этом месте бывает трудно: соседи довольно дерзкие. Им ничего не стоит войти без стука и натоптать, накричать, испортить хорошую вещь.

Иерархия безлика и тоталитарна, ей никто не указ. Потому творит она всё, что хочет. От себя же — вообще добра не жди. Иногда так себе нагадишь, что и никаких врагов не нужно. Отсюда — религиозная идея невозможности спасения без Божественной помощи: спаси меня от меня же, а с супостатами как-нибудь и сам справлюсь.

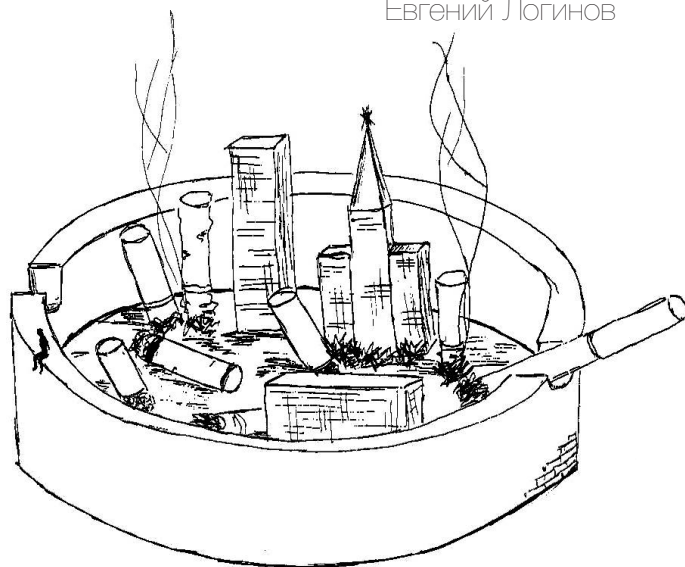
Но все же, думается, в некоторых жизнях можно попытаться обойтись и без Божественного вмешательства. Для этого нужно хранить свое человеческое место от его ближайших соседей. И, конечно, не пускать соседей дальних тоже. Сторожить одному, понятно, скучно. Поэтому, чтобы вдруг не открыть через эту скуку какое-нибудь бытие, объединяются. В своё место пускают только своих. Но и вместе этим особенным нельзя постоянно просто случаться. Внутренняя общность поддерживается общими внешними занятиями. Можно, например, вместе лениться. Ехать компанией в Абхазию, к морю, и лениться голову в сторону этого моря повернуть. Можно вместе смеяться. Можно иметь общий порок. Например, опаздывать всюду и оттого конфузиться. Об этом были прошлые номера «ФК». Много чего еще много делать вместе на этом посту. Например, можно стать масонами. Как это, — читайте ниже в ста-

тье Александра Рыбалки. Но всё же иногда нет ничего слаще, чем вместе себя убивать. Например, медленно.

«ФК» — это журнал о том, как удерживать человеческое место, и о том, что в этом месте встречается. Розанов написал: «частная жизнь выше всего... сидеть дома и хотя бы ковырять в носу и смотреть на закат солнца». И это — громовая истина, то абсолютное, что остается всегда, и чье содержание Мировой Дух разворачивает в величественном своем движении. А пока он это делает, — люди курят, сидя в кружочек. Не много, однако, найдется столь же диалектичных действий (подробнее о характере этой диалектики можно прочесть в «Прологоменах»). Курение — это как раз то, что втиснуто между личностью и иерархией. То, что помогает сохранять баланс. Жак Деррида, мастер такого баланса и заядлый курильщик, не смог бы найти лучшего примера для своих онтологических спекуляций (как, например, в монографии 1991 года «Given Time»).

Надеюсь, и нам удалось удержаться. А то было бы неловко.

Евгений Логинов

Прологомены к понятию «курение»

«Всунуть курительную трубку в лицо» — в этой фразе Гегель видел поэзию совершенно субъективного, употребленного в его чистой объективности. Трактовка Гегеля, однако, представляется не единственно возможной.

1. «Идеалистический» подход

Курение есть единство свободы и необходимости. Свобода, как и всякая настоящая свобода, — в духе. Свобода от общества и его запретов. Способность не быть определенным ни одним дискурсом, даже медицинским. Но духовная свобода тут покупается физическим рабством — никотиновой зависимостью. Это теория в духе двух великих идеалистов. Ведь это Платон полагал, что тело есть гробница души, которая свободна в мире идей, а Кант полагал человека свободным гражданином ноуменального и рабским подданным законов причинности феноменального. О том, как это работает в кинематографическом образе курения, читайте статью Елены Бояршиновой.

2. «Мистический» подход

Курение — это то немного, что досталось нам от уничтоженных просвещенной Европой американских цивилизаций. То, что когда-то было самым сакральным действием, стало самым профанным. Это тот дар, который оказался настоящим троянским конем для поработителей и гонителей древних народов. Потомки тех, кто варварски грабил священные храмы, страдают от рака легких и множества других болезней. Их продолжительность жизни не так высока, как могла бы быть с учетом достижений медицины.

В борьбе с этим проклятием Запад стигматизирует большие социальные группы курильщиков, сеет неуверенность, вражду и униженность. И кто знает, какова будет развязка истории с никотиновым золотом Монтесумы?

3. «Метафизический» подход

Курение — это акт, наполненный смыслом соприкосновения внутреннего и внешнего, субъекта и бытия. Табак, тлея, попадает внутрь субъекта, осваивается, становится его частью (пусть и на короткое время) и именно как часть субъекта выдыхается в мир, который сквозь дым выглядит гораздо более дружелюбным. Ж.П. Сартр, к примеру, метафизически трактует курение как «разрушающую акцию присвоения» бытия, а табак выступает символом присвоенного бытия. Бытие же разрушается в соответствии с ритмом затяжек курильщика, внутри которого и обнаруживается изменение бытия символическим преобразованием потребленного твердого вещества в дым. Если я курю на автобусной остановке, в антракте между театральными актами, в рабочий обеденный перерыв, то бросить курить — значит изменить эти события, сменить их на другие, пусть и похожие. Событие становится обыденным, если я не могу его воспринимать во время курения, т.к. оно уже впитало выдыхаемый мною дым. Во время курения внешнее попадает в меня, изменяется во мне и, уже измененное, снова становится частью мира. Конечно, есть и критики подобного подхода. К примеру, Ф. Гиренок считает здесь Сартра эгоистом и даже монстром, центрированным на своём «Я», у которого мир горит и дымится, растворяясь в дыму, лишь бы только войти в него, в Сартра. Есть ли здесь правые и виноватые, и что из этого следует, читайте в статье Кира Гудошникова на страницах номера.

4. «Фрейдистский» подход

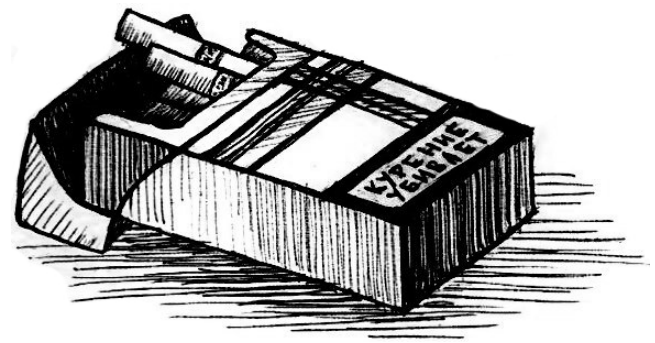
Конечно же, сигара — это не просто сигара. И рот — это не просто рот, а первичный центр удовольствия и удовлетворения органических потребностей. Первым источником такого удовлетворения является материнская грудь. В процессе кормления, помимо собственно пищи, ребенок должен также получать ласку, заботу, любовь, чувство защищенности и проч. Отсутствие или преизобилие одного из этих компонентов может пагубно отразиться на характере человека в более зрелом возрасте или даже стать причиной невроза. Тем паче — чрезмерная продолжительность периода вскармливания или, напротив, преждевременный отрыв ребенка от груди. Последний случай опасен тем, что уже во взрослом возрасте человек может бессознательно пытаться компенсировать свою детскую оральную неудовлетворенность. Следствием же неосознанной стимуляции фрустрированной эрогенной зоны может стать тяга к обжорству, привычка грызть ногти или, например, такое пристрастие, как курение.

5. «Психологический» подход

Курение как квазидеятельность выступает безрезультативной и бессодержательной деятельностью, в которой самооценную значимость имеет сам факт её наличия. Когда куришь, создается ощущение, что ты вроде как чем-то занят, пусть даже КПД твоей деятельности равно нулю и несмотря на то, что даже сам процесс (в отличие, скажем, от игры или прослушивания музыки) не доставляет ни особого удовольствия, ни эмоциональных переживаний, не улучшает способности и навыки — словом, содержательно пуст и бесплоден. Единственное, что придает значимость и ценность такой квазидеятельности, — само её наличие, которое порождает ощущение наполненности момента. В этом отношении курение является прекрасной психологической уловкой, помогающей скрадывать многие фрустрирующие факторы: томительность ожиданий, неловкость пауз в разговорах и т.п.

Регулярное выполнение этого квазидействия в определенных ситуациях и обстоятельствах зачастую порождает привычку и создаёт психологическую привязанность. Так, широко распространена привычка курить в ожидании транспорта: человек, придя на остановку, закуривает, временами даже вне зависимости от того, как давно он курил до этого и действительно ли он ощущает никотиновый голод в данный момент; в отсутствие же сигарет томительность ожидания и чувство неприкаянности будут восприниматься им существенно острее, нежели некурящим. Зачастую подобные привычки обретают ритуализированную форму, связываясь с соответству-

ющими ситуациями и обстоятельствами в цельный гештальт. Например, привычка закуривать по завершении некоторого действия (обеда, работы, просмотра фильма) порой превращается в ритуал завершения оного, отождествляется с его завершением и становится самым этим завершением, в отсутствие которого человеку оказывается психологически трудно перестроиться и взяться за выполнение нового действия.

6. «Социологический» подход

Курение — значимый фактор формирования и дифференциации социальных групп. Нередки случаи завязывания дружбы и формирования целых компаний в «курилках». Резко отрицательное отношение к курению или аллергия на табачный дым могут выступать существенными препятствиями приобщения к компании, в которой курят большинство её членов. Наглядно дифференциацию компаний (и даже общества в целом) по принципу курения сегодня можно наблюдать в кафе, ресторанах и прочих заведениях, где курящим выделяются отдельные залы и помещения (чего нет, например, для «пьющих»).

Более того, порой сам факт курения определяет принадлежность к некоторому сообществу и служит критерием идентификации свой/чужой. В этом контексте уместно вспомнить не только о многообразных клубах (любителей сигар, трубок и т.п.), особо распространенных в Англии, но в первую очередь — о многочисленных подростковых компаниях, в которых курение выступает в роли символа, ассоциируемого с представлениями о «взрослости», «независимости», «крутости» и других, с которыми ассоциируют себя сами члены подобных компаний. Подчас именно стремление быть среди них «своим» и становится побудительным стимулом к курению.

7. «Эстетический» подход

Мужчина или женщина — берет в руки дорогую пачку сигарет, ловким, еле уловимым движением извлекает оттуда одну, цельную, идеальной цилиндрической формы, подносит зажигалку — щелчок, пламя вспыхивает, воздух

распалает, добавляет температуру, поднимается терпкий дым. Он смешивается с ароматом парфюма, на мгновение замирает в пространстве и растворяется в атмосфере, оставляя шлейф. Как томно разомкнуты губы, по которым струится серый поток, прикрыты глаза, ресницы трепещут. Тело расслабленно, каждый жест дышит изяществом и грацией.

...Запах пива смешивается с запахом мочи, силуэт отделяется от стены, на ходу поправляет брюки, одергивает куртку и достает основательно потрепанную, сплюсненную пачку дешевых сигарет, открывает ее большим пальцем левой руки, зубами вытаскивает из нее сигарету. Ощупывает карманы, обнаруживает в одном из них спички. Чиркает по коробку. Нехотя, лениво пламя охватывает дерево, а через секунду поджигает фильтр. Силуэт чертыхается, переворачивает сигарету и наконец-то затягивается, держа ее между указательным и большим пальцем. Тело напряжено, но походка нетвердая, вялая, дым скачет вслед за своим хозяином, теряя силу по дороге, оставаясь в воздухе секундным напоминанием о существующем теперь уже где-то человеке.

Эстетика прекрасного? Или безобразного? Но — эстетика.

8. «Марксистский» подход

Сигареты, табак — символ разлагающегося, но все увеличивающегося в объеме в процессе своего гнилостного распада капитализма; символ производства, колоссально прибыльного для единичных собственников средств производства и губительного для всего остального общества, для всего рабочего класса; символ беспринципного наживательства, не считающегося на пути к прибыли ни с чем — пусть даже путь этот проложен по головам ещё живых людей, поставленных в рабскую зависимость от табачного зелья и задыхающихся в его чаду; символ неуёмного и саморазрушительного потребительства, подогреваемого циничными, лишенными всякого гуманизма, расчетливыми маркетинговыми ходами.

За жадным, безжалостным, хитрым прищуром ковбоя Marlboro скрываются все его подлые ходы и уловки. Вот — истинное лицо капитализма!

9. «Хайдеггерианский» подход

Если мы отрешимся от всех предпосылок и вслушаемся в само слово, как это делал М. Хайдеггер в Германии и продолжает делать М. Задорнов в России, то без труда увидим, что «курение» — это и «к роению», и «ко рвению». Первое подчеркивает соборный момент в курении. Второе — силу, которую получает курительщик. Но если мы вслушаемся в само слово

«рвение», то услышим треск рвущейся ткани и поймем, что язык говорит нами следующее: вы курите, конечно, в своем кружочке, и будет вам хорошо, но недолго, а когда придет время, ваши легкие порвутся как гнилая тряпка. Нужно отметить, что есть невыдерживающее критики слышание «курения» как «ку-ре-ни», т.е. «выдохнул — и нет Ра», против которого мы предостерегаем читателя.

А если мы все же заглянем в словарь, то узнаем, что исторически «курить» означало производить дым, все связанное с вьюгами, туманами, процесс виноделья, пьяный загул и шалить. Скука смертная.

10. «Дерридианский» подход

Курение есть деконструкция в действии. Невозможно сказать, когда начинается курение, а когда заканчивается. Невозможно в прямом смысле «закурить». Можно лишь поймать момент наиболее интенсивного курения. Когда начинается курение? В момент термической обработки курительных принадлежностей? В момент решения закурить? В момент, когда недостаток никотина или незамеченный стимул сформируют это решение? На эти вопросы нельзя ответить однозначно. Табак есть то, что разрушает любую аргументацию, ведь он одновременно является и лекарством, и ядом. Первое было общепризнанным первые два века табакокурения, когда в медицине царила гуморальная теория. Кратко суть ее можно описать так: здоровье человека есть баланс между сухим и мокрым, холодным и горячим. Курение суть сухое и горячее, потребление его помогает от всего, что связано с недостатком этих элементов: от насморка до чумы и сифилиса. Если бы Гераклит знал о табаке, то не умер бы, обмозванный фекалиями с целью сохранять сухость и тепло. Достаточно было бы покурить. Но и на уровне современной медицины курение полагается действием, снижающим риск ряда заболеваний. Например, язвенного колита. Даже не принимая во внимание медицину, можно заметить лекарственное действие табака. Когда человек курит, он, человек, отдыхает, снимает напряжение. Но не надо обманываться: табак всё же вредит здоровью. Правой рукой забирает то, что щедро дает левой. Эта игра паразита гораздо страшнее открытого причинения вреда.

Так, расшатывая веками европейское здоровье, табачный дым расшатывал и европейскую метафизику.

Дух и зелье

Начну с истории, что произошла на юбилей канонизации Серафима Саровского. Нижегородских семинаристов отправили на послушание в Дивеево. Кто-то был определён к сопровождению епископата и других значимых гостей. Кто-то сторожил вещи многочисленных паломников и разнимал их драки. Кто-то помогал сёстрам в трапезной, после угощая вином с патриаршего стола своих друзей. Самое интересное послушание было у старших курсов: те были приставлены к делегациям епископов других православных церквей.

Помню, один епископ от Грузинской Православной Церкви угощал семинаристов американскими сигаретами «L&M». Проректор семинарии увидел курящих семинаристов, замахнулся было на запись в свой блокнот для отчисления, но тут увидел рядом владыку, пускающего кольца, красивые кольца густого дыма. Проректор отозвал семинаристов в сторону и сказал:

— Хорошо, с епископом — можно. Замечу отдельно или после в семинарии — мгновенное отчисление без права восстановления.

Они кивнули, согласились смущённо.

Про курение ещё рассказывают, что на Афоне монахи курят. Но тут, может быть, врут. Но есть, значит, желание, чтоб курили.

Расскажу ещё, как курение мешает святости.

Представьте себе, что вы, почитав специальную литературу и начав практиковать путь к святости, избегая при этом прелести и соблюдая полностью литургическую жизнь, стали святым. Ну не совсем, а чуть-чуть святым хотя бы. Вы любите других и любви не требуете. Во всех видите радость и святость. Ваша постоянная мысль: «Господи, помилуй меня, грешного».

Но некоторые будут вас считать высокомерным. Вас будут обвинять в том, что ваша улыбка фальшивая и вы лицемер. Вы будете

провоцировать их на грех осуждения. И чтобы остаться святым в той мере, которая вам дана, вы станете юродствовать. Чудить. Как Варнава Беляев чудить (он прикидывался дядей Колей), как Матронушка Блаженная чудить, как чудили все те, что юродствовали ради Христа, чтобы не осуждали их, а смеялись над ними или не замечали и не считали за святых, и только некоторые ощущали за юродством большие сердца.

А если не хочется быть святым постоянно, если ты ещё работаешь менеджером по продажам в полулегальной конторе, и надо тебе изворачиваться и врать клиенту? Ну не получается стать святым в социуме. Не хочется — точнее. Юродствовать не к лицу. И тут приходят на помощь сигареты! Как только вы закурите, вы замените обычную практику радостного дыхания на печальный внутренний деструктивный диалог. Снова кто-то будет в вашей голове прав или нет, вы перестанете всех любить, но некоторых ещё будете. И курение позволит вам обмануть, своровать, соблазнить.

Достаточно для того, чтобы стать чутьчку нормальным человеком, войти в то состояние, что считается нормой в людском обществе. Чуть-чуть лгать, чуть-чуть воровать, чуть-чуть

соблазнять. И уже ты свой. Тебя принимают. Тебя никто не осуждает за высокомерность. Ты такой же, как и все.

А мешает ли курение молитве? Нет, затянулся — «Господи, прости меня, грешного, дай мне, Господи, годков ещё, Ты же всё видишь...» Выдохнул струю дыма вверх — и произнёс: «Хорошо, Господи, ты еси!»

Можно назвать курение «антиюродством» для тех, кто ещё не хочет стать святым. И постепенно можно заменить табак, например, на пиво и кино, или на порнографию и боевики. Или на компьютерные игры и сериалы. Главное — по чуть-чуть.

Вероятно, об этом «антиюродстве» знают те монахи, что не хотят ещё скитаться по свету с проповедью, а ещё хотят прочесть несколько хороших, но светских книг. Ещё грусть у них: никогда не читали они «Робинзона Крузо», а теперь вроде бы грех, а хочется. Задумчиво терется борода: «глупо читать или нет?» А глупым быть не хочется. И вот достает инок грузинский трубочку, набивает её, раскуривает от лучины и выпускает в потолок первое, сухое и сладкое колечко дыма.

Арсений Постников

Практическое руководство по сворачиванию парадигмы постмодернизма

Курение является разрушающей реакцией присвоения
Ж.-П. Сартр

Ситата Сартра в эссе хорошо описывает отношение курящего к курению как процессу. Структуру этого процесса можно обрисовать так: воздух-внешний мир встречается с телом-сигаретой и посредством горения производят дым.

Так мы преобразуем окружающий наше тело мир посредством плавильни-субъективности (постоянно возобновляющегося производства субъективности), производя то, что мы считаем творческим вкладом в этот мир. Таким образом, курение оказывается символом образа постмодерниста. Этот образ предполагает не просто потребление (как «потребляется» воздух курящим), но производящее потребление (дым как продукт курения; то, что курильщик воспринимает как часть себя; то, что действительно является его частью на химическом уровне).

В последнее время осуждение курения стало повсеместным и систематичным, а значит, приняло форму продуманной и аргументированной критики. Критики, вышедшей на уровень государственной программы. С точки зрения курения как символа, критика курения является частью более глобальной критики общества постмодерна — общество непроизводящего потребления критиковалось философами постмодернизма с позиции творчески производящего потребления (хорошим примером подобной парадигмы является магазин Ikea и связанные с ним творческие практики) и про-

изводства новых видов потребления (как каждый акт курения укрепляет [(вос)производит] тягу к курению), в свою очередь, философия постмодернизма критикуется Жижеком как псевдо«этичная», т.е. этичная только внешне, в виде идеологического посыла. Потребление во имя новых видов потребления остаётся в том же замкнутом круге, как смена сигареты на трубку остаётся курением, хотя внешне и может выглядеть более «достойным» его способом. Выход из такой ситуации исключительно силами «старой» логики (логики, которую нам предлагает ситуация) — это смерть субъекта этой ситуации (не правда ли, логичное следствие логики курения?). Следовательно, если мы не хотим ждать смерти в роли нашего спасителя, нам придется сделать исключительно волевое решение, представляющееся с данной нам точки зрения чистым безумием, и, наконец-то, бросить курить.

Кир Гудошников

Этика стрельяния сиг

Курение — процесс глубоко ритуализированный. Одна из наиболее распространенных практик, развивающихся вокруг собственно курения, — это стрельяние сиг. Важно проводить четкое концептуальное различие между сигаретами и сигами. Сигареты являются продуктом потребления, в то время как сиги — предмет выпрашивания. Одно курят, а другое — стрельяют.

Попытаемся оценить стрельяние сиг с точки зрения этики, оставив за скобками вопрос об этике курения вообще. В ситуации стрельяния сиг можно выделить следующие значимые элементы: двух субъектов этого взаимоотношения и объект взаимодействия — сиги.

Взглянем на ситуацию со стороны того субъекта, который предлагает сиги стрельяющему. Для него она будет изменяться в зависимости от качества и количества сиг, а также от самого стрельяющего — его характера, степени знакомства, привлекательности и прочих характеристик. Традиция вменяет положительный ответ на попытку инициировать стрельяние и даже указывает на него как на должное (что может быть обусловлено, в частности, принципом взаимности золотого правила нравственности: я даю тебе сигу, поскольку в аналогичной ситуации, когда я стрельяю сигу, я хотел бы ее получить).

Ситуация может строиться иначе, если субъект, у которого стрельяют сигу, ограничен запасом в одну-две сигареты. В таком случае дарение можно считать сверхдолжным поступком. Основываясь на том же принципе взаимности, можно сказать, что субъекту в этом случае нельзя вменить в обязанность делиться сигаретами, однако данный поступок является безусловно благом.

Особые оттенки приобретает ситуация, когда стрельяющим является лицо, наиболее уязвимое для негативных последствий курения (дети и беременные женщины, например). В подобных случаях факторы стрельяния ставят субъект, у которого стрельяют сиги, в ситуацию морального

выбора: принять патерналистскую позицию (и взять на себя принятие решение за стрельяющего, отказав ему) или же антипатерналистскую (при которой он потворствует неразумному желанию).

И, наконец, значение также имеет и то, что можно обозначить как этикет стрельяния сиг. Не будем останавливаться на нем детально, но следует отметить такие факторы, как вежливость обращающегося (навязчивость и агрессивность в поведении стрельяющего могут нарушить ритуал), обращение с сигами (вдумчивое перебирание содержимого пачки или присвоение без разрешения владельца более одной сигареты также являются не *comme il faut*) и так далее.

Взглянем на ситуацию с точки зрения стрельяющего. Как у инициатора ситуации у него есть более широкая возможность выбора: он может сам определить, у кого стрельять сигареты. Сама эта возможность проблематизирует этическую равнозначность всех возможных индивидов. Другим важным моментом этого выбора является регулярность стрельяния. Как правило, осуждению подвергается регулярная просьба, адресованная к одним и тем же лицам, поскольку таким образом ритуал нарушается, превращаясь в форму устойчивого материального обеспечения (можно сказать, «нахлебничества»). С другой стороны, переход с «курения своих сигарет» на стрельяние зачастую используется, воспринимается или декларируется как способ ухода от практики курения, избавления от никотиновой зависимости. В таком случае практика стрельяния видоизменяется по своей этической нагруженности, превращаясь в способ оказания помощи (который можно оценить и как «медвежью услугу») со стороны знакомых.

Стреляние сиг этически неоднозначно, так как содержит в себе потенциал для ситуаций конфликта, соотносящихся с категориями должного, одобряемого и осуждаемого в рамках «этики курения» вообще. Поэтому курение и участие в обмене сигами может быть интерпретировано как этический эксперимент, полигон для обработки различных этических максим и интуиций.

Дмитрий Шмалый

Колумб Америку открыл...

Колумб Америку открыл — великий был моряк, но заодно он научил весь мир курить табак. Так, кажется, поется в песенке из мультфильма. Фраза, кстати, немислимая для современного мультфильма, рассчитанного на любую аудиторию. Тема курения в массовом кинематографе оказалась практически табуированной.

А ведь как все хорошо начиналось! В немом кино смолили все: мужчины, женщины, розовощекие детишки. Портреты актеров печатались на сигаретных коробках.

Курение — это мифология! Сигареты — это соблазн! В еще немом фильме 1926 года «Плоть и дьявол» герой Джона Гилберта осведомлялся у героини Греты Гарбо — замужней женщины: «А вы знаете, что когда вы задуваете спичку, это означает приглашение к поцелую?» С этих слов начинается их запретный роман. Сигарета поджигает ворох чувств, как это случилось в фильме «Иметь не иметь», там роман между героями Хамфри Богарт и Лорен Бэколл начался с того, что девушка зашла в номер к мужчине, чтобы одолжить спичек. Хамфри Богарт курил практически во всех своих фильмах. Как для рекламной культуры символом курения стал Ковбой Мальборо, так для черно-белого кино — Хамфри Богарт. Не важно, кого он играл: преступника или сыщика, безумного ученого или авантюриста, Богарт курил много и со вкусом. В фильме «Касабланка», рассказывающем историю любви на фоне борьбы с фашизмом, Богарт, сыгравший владельца игорного клуба, даже целует свою возлюбленную (которую играет Ингрид Бергман), не выпуская зажженной сигареты из пальцев.

Сигареты — это еще и запретный плод. Они связаны с грехом и тайной. Гарбо курит в фильме «Анна Каренина», в котором исполнила главную роль. Магию сигарет на экране чувствовала и Марлен Дитрих, курившая почти в каждом своем фильме.

Настоящим гимном курению стали фильмы жанра «нуар». Сигаретный дым, туман и дождь — вот три главных визуальных составляющих

любого подобного фильма. Типичный кадр из фильма: сыщик-неудачник смолит сигарету в баре, где у него просит прикурить роковая красотка. «Леди из Шанхая», «Сансет бульвар», «Незнакомцы в поезде» — всё это нуары, в которых курят все: и престарелые кинозвезды, и улыбчивые убийцы, и секретарши-хорошие девочки, и молодые клерки, и усталые сыщики. Женщины в кино курят не меньше, а то и больше, чем мужчины. Сигарета в сороковые годы становится символом новой сексуальности, раскрепощенности и женственности. На экранах курят Бэтт Дэвис, Рита Хейворт, Кэтрин Хепбёрн, Барбара Стэнвик. Узкие платья, соблазнительные вырезы, волны кудрей и сигареты — вот образ новой женственности.

Курение стало настоящим социальным мар-

кером. В советских фильмах про революцию положительный рабочий смолил самокрутку, белогвардейский предатель сжимал в белоснежных зубах сигарету, иностранный капиталист носил в нагрудном кармане сигару, а не определившийся со своими политическими предпочтениями профессор крутил в руках трубку. Вначале в фильмах курили только мужчины: мужики, рабочие, матросы. Но в предвоенные годы и во время войны в кино закуривает и женщина. А уж потом образ женщины-врача или женщины-солдата, стал непредставим без цигарки. В 60–70е годы сигареты в СССР становятся не только предметом спекуляции на чёрном рынке, но и предметом культа в кино. Теперь курят не только красные командиры и усталые партийные деятели. Курят и молодые инженеры, и криминальные элементы, и экзальтированные красавицы под чашечку кофе (да-да, именно тогда начинается культ «кофе плюс сигареты»). Манера курения стала выразительной и опознавательной характеристикой персонажа, важным элементом «рисунка роли». (Как закусывают мундштук папиросы Семён Давыдов и товарищ Нагульнов из «Поднятой целины», постукивает мундштуком папиросы о кисть руки чекист в исполнении Джигарханяна из «Рассказа о простой вещи», и аккуратно, чтобы не наследить, курит Джигарханян в роли шантажиста из «Следствие ведут знатоки».) Три главных героя культового советского сериала «Следствие ведут знатоки» курят не переставая во время мозгового штурма, буквально прикуривая сигарету одну от другой. Не прочь стрельнуть сигаретку оперуполномоченный Жеглов. Много курит разведчик Штирлиц, особенно когда слушает музыкальные экзерсисы фрау Заурих.

В американском кинематографе мужчины не стремятся сдавать свои позиции. Не курят разве что в пеплуках. Герои Клинта Иствуда курят всегда и везде. Не важно, кого он играет: полицейского «Грязного Гарри» или человека без имени в трилогии Серджио Леоне. Кстати, в Турции запрещено показывать по телевизору курение, это — харам (грех), но классику люди любят, поэтому вышли из положения. В фильмах с Клинтон Иствудом сигарета закрыта «нашлепкой» виде цветочка. Только представьте, герои фильма «Хороший, плохой, злой» полфильма ходят с цветочками в зубах, из которых почему-то валит белый дым. Экое шайтанство!

Французская «новая волна». Герои начинают курить как дышать. Они курят, когда им весело, они курят, когда грустно. Если раньше сигарета была символом женственности, мужественности или роскошного образа жизни, то теперь она — часть мира, привычный предмет. Если раньше при помощи сигареты герои вступали

в коммуникацию, то теперь обычно курят, когда пытаются скрыть одиночество и тоску, особенно если эта тоска наступает после секса.

Меняется время, меняются герои. На экране начинают курить подростки. Сигарета становится моментом инициации, переходом во взрослое состояние. Когда герой или героиня берет в руки сигарету, он как бы говорит зрителю: я подросток, я плохой, но я больше не дитя, я пробую жизнь на вкус. Курят герои кинолент «Бриолина», «Плакса», «Клуб завтрак», «Детки».

Девочки вырастают и превращаются в женщин. Единственное, что остается в жизни неизменным, — это сигареты. Проститутка из фильма «Красотка», подружка гангстера из «Криминального чтива» — их социальный статус не очень высок, наверное, поэтому они и курят.

В конце девяностых годов с героями, которые курят, стала ассоциироваться какая-то надломленность, неустроенность. Сказывалась, наверно, пропаганда против табака. В фильме «Свой человек» герой Рассела Кроу вступает в неравный бой с табачной кампанией, пытается рассказать людям, что при производстве табачной продукции используется компонент, вызывающий у курильщиков наркотическую зависимость. Курит Мишель Пфайффер, сыгравшая мать-неудачницу в фильме «Белый олеандр». Не расстается с сигаретой Анджелина Джоли в фильме «Прерванная жизнь», в которой она сыграла полусумасшедшую женщину, заключенную в психушку. Смолят напропалую герои «Страха и ненависти в Лас-Вегасе», но лучше бы они только курили, ведь у них был целый багажник наркотиков. Пампушка-неудачница Бриджит Джонс завязывает с сигаретами, как только встречает своего мистера Дарси.

С этого момента в фильмах курят в основном гангстеры и прочие асоциальные элементы, завязавшие алкоголики и наркоманы. Курить теперь не модно. Сигареты исчезают из массового кинематографа. Даже Холмс (сам Шерлок Холмс, который раньше никогда не расставался со своей знаменитой трубкой!) теперь пользуется никотиновыми пластырями и старается не поддаваться искушению выкурить сигаретку.

Курение в основном отдается на откуп инди-фильмам. Джим Джармуш выпускает пронизанным духом ретро фильм «Кофе и сигареты», в котором эти предметы становятся объектом культа, ушедшей эпохой. Герои фильма пьют горячий напиток, без удержу дымят и ведут разговоры, но курение красноречивее всяких слов.

К эротической стороне курения обращается Джон Туртурро в своем «пролетарском мюзикле» «Любовь и сигареты». Примерный семьянин изменяет жене с рыжеволосой красоткой,

которая помимо аппетитных форм еще и очень призывно курит.

Последним крупным блокбастером, в котором герои курили, был «Властелин колец». Гэндальф и хоббиты были не прочь выкурить трубочку-другую, но мир, изображенный в фильме, все же сказка, фантастика.

Курение теперь перешло в область мифов, культурных кодов, стало предметом ностальгии. Акт курения не очень любят показывать по телевидению. Он сродни ругани в публичном месте. Люди смотрят ТВ, они потребляют рекламу, никто не хочет, чтобы его продукт ассоциировался с «палочками смерти». Зрителями проще воспринимается употребление героями сериалов наркотиков, чем курене.

Однако телевизионщикам удастся выйти из положения. Возможно, в этом им помогают владельцы табачных компаний. Ведь официально рекламировать свою продукцию по ТВ им нельзя, но продакт плейсмент никто не запрещал.

Когда были «Золотые» времена для курильщиков? Конечно же, до восьмидесятых годов двадцатого века. Ностальгическую карту разыгрывают сериалы «Безумцы» и «Час», которые рассказывают о жизни рекламного агентства и программы новостей в шестидесятых годах.

Редко-редко встретишь курящего героя в современных сериалах. Обычно этой вредной привычкой наделяется герой старой закалки, немного сумасшедший и вредный, например, как бой-бабка Шеннон из сериала «Черная метка». В этом сериале дама преклонного возраста, не расстающаяся с сигаретой даже занимаясь

йогой, помогает своему сыну в его шпионской деятельности.

Курение — это несомненный яд, но как красиво сигаретные клубы смотрятся в кадре. Да разве жизнь киноперсонажей — это не бег по самому краю? В финале вспомним фильм «Рок-н-рольщик»:

Всё, что тебе нужно знать о жизни в этих четырех картонных стенках. Заметь, что одна сторона твоей личности соблазнилась иллюзорным величием: здоровой золотистой пачкой с королевским гербом — привлекательный намек на гламур и богатство. Нам тонко намекают, что сигареты наши верные и благородные друзья, а это неправда. Другая часть твоей личности привлекает внимание к обратной стороне вопроса: там жирным текстом, черным по белому, написано, что эти опрятные маленькие «солдатики смерти» на самом деле хотят тебя убить... И это — правда. О, этот соблазнительный зов смерти. Как можно противиться её сладкому шепоту. Сладкое всегда становится горьким, а все горькое станет когда-нибудь сладким. Вот почему мы с тобой любим наркотики и вот почему, Пит, я не могу вернуть картину обратно. А теперь, пожалуйста, передай зажигалку.

Елена Бояршинова

Искусство дымов

и ритуал некромантической эвокации Бенвенуто Челлини

Курение — процесс и искусство пускания дымов — осуществлялось ранее не только в виде привычного нам, обыденного табакокурения, но и в культовых магических практиках некромантии.

Как неоднократно замечено исследователями героев эпохи Возрождения, их индивидуальность включала много самых разных черт, а личность формировалась множеством ролей. Мы обратимся к одному из них, к Бенвенуто Челлини (1500–1571), к скульптору и ювелиру, авантюристу и развратнику. Нас будет интересовать только один эпизод его жизни, связанный с дымом и курением. Свои приключения Бенвенуто описал в автобиографии, представив в ней «идеал свободного художника». «Жизнь Бенвенуто» была настолько удивительной, обладающей чуть неприличным юмором и системой образов, описывающих события с потрясающей наивностью, что вызвала продолжительную дискуссию о том, является ли произведение и в самом деле автобиографией, или представляет собой авантюрный роман. Исследования, однако, удостоверяют автобиографическую подлинность текста.

Привелось мне через некоторые разные странности завести дружбу с неким сицилианским священником, каковой был возвышеннейшего ума и отлично знал латинскую и греческую словесность. Случилось однажды по поводу одного разговора, что зашла речь об искусстве некромантии; на что я сказал: «Превеликое желание было у меня во все время моей жизни увидеть или услышать что-нибудь об этом искусстве». На каковые слова священник добавил: «Твердый дух и спокойный должен быть у человека, который берется

за такое предприятие». Я ответил, что твердости и спокойствия духа у меня хватит, лишь бы мне найти способ это сделать. Тогда священник ответил: «Если ты на это идешь, то уж остальным я тебя угощу вдоволь». Итак, мы условились приступить к этому предприятию.

В Средние века, как замечает Ричард Кикхер, термин «некромантия» употребляется как синоним термина «нигромантия» или «никромантия» («черная магия»), последняя «в буквальном переводе — «черное прорицание»». Маффео Пуансо в своей «Полной энциклопедии магии» проводит различие между некромантией и никромантией, определяя некромантию как «искусство оживления мертвых», а никромантию как искусство вызывания демонов. Однако и первое, и второе он считает искусством ведьм. Корнелий Агриппа (1486–1535) полагал, что «первые (некроманты — В.В.) не совершают преступления столь богопротивного как эти (вторые, никроманты — В.В.), но все же и они навлекают на себя очевидную опасность». Грань между этими двумя практиками весьма тонка, что и видно в эпизоде из жизни Челлини.

Какую роль выполняло курение дымов в магической практике некромантии? Ответ на этот вопрос напрямую связан с вопросом о выборе места и времени некромантического ритуала. Обряд обычно начинается в полночь и длится до рассвета. Тьма — атрибут мира мертвых, мира теней. Но естественной тьмы недостаточно, тьму надо сгустить, надо создать мглу. Для этого в античные времена применялись чары — наведение тьмы. Тем, кто постоянно живет во тьме — слепцам — приписывался дар ясновидения. Тьму может обеспечить место проведения — чаща, пещера. У Челлини же местом будет «Кулизей» — цирковая яма, колодец. Но могло бы быть и иное. Просто вспомним Булгакова,

там дело происходит в аллеях: «И тут знойный воздух сгустился перед ним, и соткался из этого воздуха прозрачный гражданин престранного вида». Потом... «маревое растворилось».

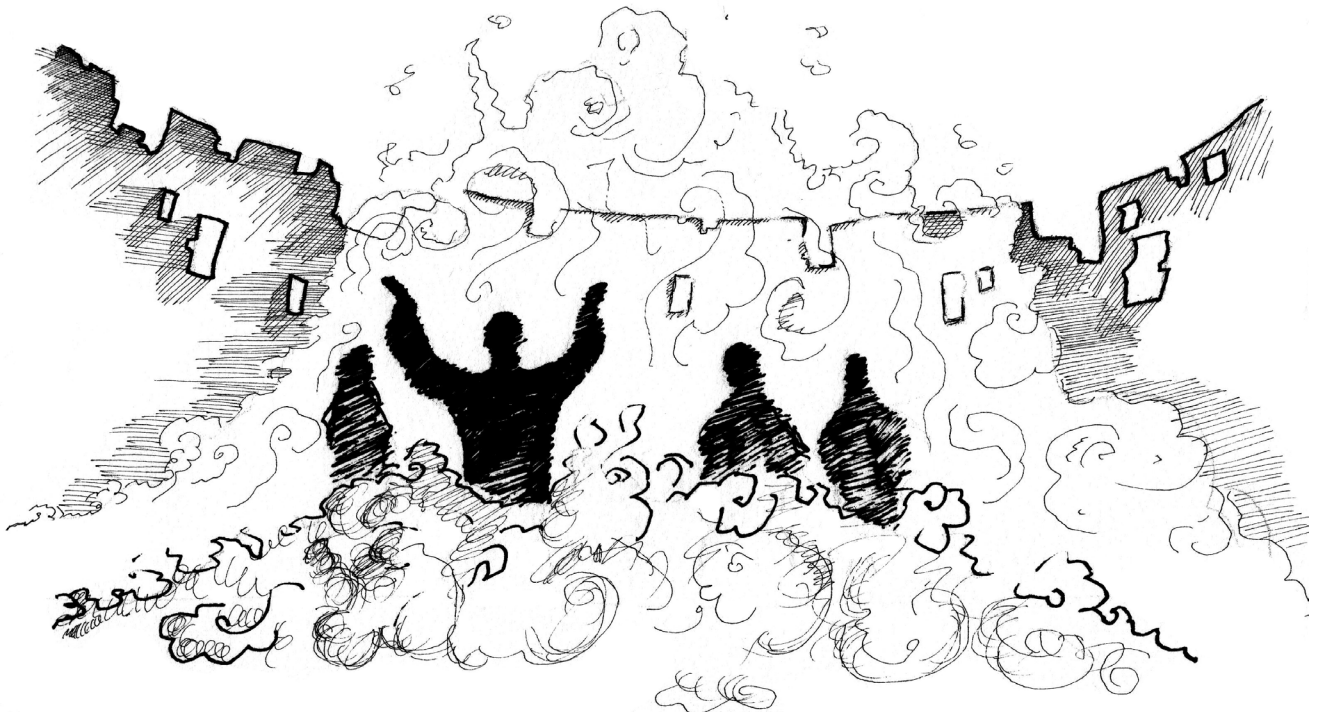
Роль чар берет на себя курение дымов. «Тут литераторы подумали разное. Берлиоз: «Нет! Иностранец!», а Бездомный: «Вот черт его возьми! А?» Поэт и владелец портсигара закурили». А нам самое время вернуться в эпоху Возрождения к нашему герою.

Раз как-то вечером сказанный священник снарядился и сказал мне, чтобы я приискал товарища, а то и двоих. Я позвал Винченцио Ромоли, большого моего друга, а сам он привел с собой одного пистойца, каковой точно так же занимался некромантией. Мы отправились в Кулизей, и там священник, нарядившись по способу некромантов, принялся чертить круги на земле с самыми чудесными церемониями, какие только можно вообразить; и он велел нам принести с собой драгоценные курения и огонь, а также зловонные курения. Когда он был готов, он сделал в кругу ворота; и, взяв нас за руку, одного за другим поставил нас в круг; затем распределил обязанности; пентакул он дал в руки этому другому своему товарищу-некроманту, остальным велел смотреть за огнем и курениями; затем приступил к заклинаниям. Длилась эта штука полтора с лишним часа; явилось несколько легионов, так что Кулизей был весь переполнен. Я, который следил за драгоценными курениями, когда священник увидел, что их такое множество, он обернулся ко мне и сказал: «Бенвенуто попроси их о чем-нибудь». Я сказал, чтобы они сделали так, чтобы я был опять со своей Анжеликой, сицилианкой. В эту ночь нам никакого ответа не было; но я получил превеликое удовлетворение в том, чего ожидал от такого дела.

То, что Бенвенуто путает некромантию и никромантию — это полбеды. Но здесь есть третий элемент — любовная магия, которая никак не связана с ритуалом. Любовная магия — разновидность охотничьей магии, которая своими корнями уходит в первобытную эпоху. Первоначально магия была связана с двумя видами деятельности: охотой и войной, позднее — с собирательством; именно последнее есть связующее звено магии и некромантии, поскольку умершие знают тайну кладов. Позднее из этих видов проистекают другие разновидности магических действий и ритуалов: так, например, лечебная магия производна от военной (изгнание врагов и победа над ними — победа над болезнью), любовная магия — разновидность магии охотников, а магия собирателей легла в основу поиска кладов. Первые два вида иногда соединяются: например, еще Аристотель рассматривал войну как «охоту на людей».

Бенвенуто хочет встречи с возлюбленной Анжеликой и прибегает для этого к помощи демонов. Здесь переплелись две вещи. Любовная магия и некромантический или никромантический ритуалы. Бенвенуто прибегает не к тому. Ему нужно будущее, а не прошлое, и тем более не умершее. Если бы Анжелика умерла, а Бенвенуто уподобился Орфею, тогда обращение к некромантии было бы мотивированным и понятным. А тем, что нужно Бенвенуто, занимается, как говорится «другое ведомство».

Некромант сказал, что нам необходимо сходить туда еще раз и что я буду удовлетворен во всем, чего прошу, но что он хочет, чтобы я привел с собой невинного мальчика. Я взял одного своего ученика которому было лет двенадцать, и снова позвал с собой этого сказанного Винченцио Ромоли; а так как был у нас близкий приятель, некий Аньолино Гадди, то также его мы повели на это дело. <...> Начал некромант творить

эти ужаснейшие заклинания, призывая поименно великое множество этих самых демонов, начальников этих легионов, и приказывал им силой и властью Бога несотворенного, живого и вечного, на еврейском языке, а также немало на греческом и латинском; так что в короткий промежуток весь Кулизей наполнился в сто раз больше, нежели они то учинили в тот первый раз. <...> Я, по совету некроманта, снова попросил, чтобы мне можно было быть с Анджеликой. Обернувшись ко мне, некромант сказал: «Слышишь, что они сказали? Что не пройдет и месяца, как ты будешь там, где она». <...> Некромант воззвал ко мне, прося меня, чтобы я держался твердо и чтобы я велел покурить цафетикой; и вот, обернувшись к Винченцио Ромоли, я сказал, чтобы он живо покурил цафетикой. Пока я так говорил, взглянув на Аньолино Гадди, каковой до того перепугался, что свет очей вышел у него на лоб, и он, <...> чуть хотел тронуться, издал громогласную пальбу с таким изобилием кала, каковое возмозгло много больше, нежели цафетика. Мальчик, при этой великой вони и при этом треске приподняв лицо, слыша, что я посмеиваюсь, успокоив немало страх, сказал, что они начали удаляться с великой поспешностью. Так мы пробыли до тех пор, пока не начали звонить к утрени.

Далее следует событийная часть в жанре авантюрного романа. Общение с демоническими силами привело к тому, что планы Бенвенуто на ближайшие дни круто изменились. Случайным броском комка грязи, в котором оказался кусок камня, он попал в голову человеку, что было сочтено убийством. Он бежал в Неаполь потому, что по распоряжению Папы должен был быть повешен. По дороге он встретил трактирщика, который рассказал ему об Анджелике.

Мы двинулись сообща, вместе с трактирщиком, в город Неаполь и спешились у его гостиницы, и мне не терпелось привести свои вещи в порядок, что я и сделал скорехонько; и, войдя в сказанный дом рядом с гостиницей, я нашел там мою Анджелику, каковая учинила мне самые непомерные ласки, какие только можно вообразить. Так я пробыл с нею от двадцати двух часов до следующего утра с таким удовольствием, что равного никогда не имел. И пока я наслаждался этим удовольствием, мне вспомнилось, что в этот самый день истекал месяц, который мне был предсказан демонами в некромантическом круге. Так что пусть посудит всякий, кто с ними путается, через какие неопишуемые опасности я прошел.

Магическое действие определяется как искус-

ство достижения цели в соответствии с желанием и волей. Творя магический ритуал, первобытный человек не пытался создать себе еду «из воздуха», но он тем самым в своей жизни выделял скрытый, непредсказуемый и невычислимый фактор Х. И он пытался воздействовать на ту инстанцию, которая им управляет. Например, для удачной охоты необходимо было представить и изобразить детальную ее картину, поразить копьем изображение, вообразив, что поражается животное (визуализировав саму сцену охоты). Иными словами, первобытный человек представлял картину того, как желание «добыть пищу» осуществляется. В данном магическом ритуале присутствует элемент, который позже в исследованиях магии получит наименование «прокладывание пути» или «открытие каналов». Человек охотится дважды: один раз в воображении, второй раз — на практике, во время реальной охоты. В магии сакральный и познавательный компоненты всегда связаны с реальной «трудовой» практикой. Что мешало Бенвенуто просто разыскать свою Анжелику? Только отсутствие Интернета и почтового адреса, а еще, конечно, недостаток любви и лень. Воображаемое магическое действие и реальное физическое действие образуют две параллельные структуры. Бенвенуто просит о том, путь к чему неизвестен, предоставляя каким-то силам прокладывать ему дорогу. Он просит «то, не знаю что», и, соответственно, «идет туда, не знаю куда». И попал в приключения и переплет.

Что рассказывает нам Бенвенуто, воображаемую или реальную историю? В его истории есть убедительные моменты. Возможно, Бенвенуто совершал некромантический ритуал, но не для любовного приключения, а для более прозаичных вещей, таких как поиск кладов. Некромант, который проводил ритуал, несомненно, знал, какие цели ставить уместно, а какие нет. Воображение художника подсказало Бенвенуто все остальное. Возможно, он сочинил всю эту историю для своей Анжелики. Сам он более не прибегал к некромантии, поскольку страха не терпелся не от демонов, а от событий, которые вели его к встрече с возлюбленной. В целом он убедительно показал, что просить нужно только то, что знаешь.

А чем закончился перекур с неизвестным профессором в романе Булгакова — хорошо известно.

Владимир Винокуров

Трубка р.Исраэля бен Элиэзера (Баал Шем Това)

Основатель хасидизма, святой наш учитель р.Исраэль бен Элиэзер (прозванный в народе Баал Шем Тов — «Обладатель доброго Имени», или сокращённо БЕШТ), очень любил курить свою трубку. Когда он предавался размышлениям, уходящим в высь горних, он раскуривал люльку, и все понимали, что наставник сейчас «не здесь».

Однажды его ученики обратились к БЕШТу: «Ребе, ты часто общаешься с обитателями Небес и с Самим Б-гом; не мог бы ты нам показать Элияху а-Нави?» (Элияху а-Нави — Илья-пророк, который, как известно из Писания, не умер, а был живым взят на Небо; с тех пор он является в разных обликах мудрецам и праведникам). Р.Исраэль ответил: «Отчего бы и нет? Идёмте со мной». И они пошли по дороге, которая вела через поле. Вдруг БЕШТ захотел закурить, а махорки у него не оказалось — тогда его ученики отправились её искать у встречающих. Видят — им навстречу скачет шляхтич (а дело происходило в Речи Посполитой за полвека до её разделов). «Пане, пане! — обратились к нему ученики БЕШТа. — Не найдётся ли у вас махорочки трошки для нашего учителя?» — «А кто ваш учитель?» — спросил польский дворянин. Ученики назвали. «О! Сам Баал Шем Тов?! — удивился пан. — Я сам ему дам прикурить!» Подскакав к рабби Исраэлю, аристократ спешился, достал мешочек с табаком, набил трубку и высек искру (виданное ли дело, чтобы благородный ясновельможный пан так прислуживал простому еврею!) — БЕШТ закурил, а с ним и шляхтич. «А что пан скажет про урожай на этот год? — спросил учитель дворянина. — Хороши ли всходы? Покрывают ли они все поля? Много ли будет нынче зерна?» Хасидам же, ученикам БЕШТа, эта беседа показалась скучной — и они начали повторять раздел Торы, который недавно учили, и не слышали, что ответил их учителю

шляхтич. Поговорив вдоволь, пан вскочил на коня и помчался своим путём. БЕШТ сказал ученикам: «Вот, дорогие мои, исполнил я своё обещание: показал я вам Элияху а-Нави!» Хасиды переполошились: «Но Ребе, почему же ты не сказал нам об этом? Мы бы с ним поучили Тору!» — «Ну вы сами не догадались, кто перед вами, — а я не могу догадаться за вас», — ответил р.Исраэль и добавил: «Когда я спросил пророка о всходах на полях и урожай, я имел в виду, достигло ли Нижнее Побуждение — побуждение еврейских душ к Б-гу и Его заповедям — Высшего Единения с желанием Вс-вышнего, и даст ли это скорейшее Избавление Израилю — а пророк Элияху, будь помянут он к добру, ответил то, что ответил».

Ученик БЕШТа, р.Дов-Бер, известный как Межиричский Магид (т.е. проповедник), говорил: «Эх, продал бы я свою долю в Мире Грядущем — лишь бы один раз затынута из той трубки, которую курил наш учитель!»

Давид Апфельбаум

Мифы о пассивном курении

Сегодня в России уже сложно отыскать человека, который бы не слышал о вреде курения. Вместе с тем, в последние годы начал активно обсуждаться вопрос и о пассивном курении (ПК). Вредоносность ПК стала одной из ключевых побуждающих причин введения «антитабачных» законов и запретов на курение в общественных местах. Вместе с тем, вопрос о ПК оброс многочисленными мифами и легендами. Почти все они имеют своими глубокими основаниями научные данные, которые, однако, подвергаются таким удивительным превращениям и перетолкованиям, что изначальный их смысл обращается в прямо противоположный. Мы постарались разобрать лишь 3 таких мифа.

Миф 1. Вред от ПК — не меньший, а то и больший, чем от активного.

«Табачный дым, — заверяют нас на одном из медицинских порталов, — одинаково опасен как для самого курящего, так и для окружающих его людей. Парадоксально, но факт — дым даже менее вреден для курильщика, поскольку в его легкие он попадает в основном фильтрованным» [1]. «Причем происходит это [попадание] порционно, — поясняют на другом портале. — Пассивный же курильщик постоянно и в полном объеме вдыхает вредные вещества, содержащиеся в табачном дыме» [2]. И не просто «в полном объеме»: как было установлено «в результате проведенных исследований», сам курильщик во время затяжек потребляет лишь 35–40 % сигаретного дыма, тогда как оставшаяся часть — 60–65% — достается ни в чем не повинному сопresentствующему [2].

Действительно, по данным Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ), дым от тления сигареты между затяжками «в 3–4 раза более токсичен в расчете на 1 грамм частиц» [3], чем вдыхаемый курильщиком. Однако необходимо

понимать, что эти цифры показывают отношение содержания вредных веществ в двух потоках дыма, а не то, сколько и каких вредных веществ вдыхает пассивный курильщик.

Дым от тлеющей сигареты не попадает ему в легкие непосредственно, но смешивается с окружающим воздухом и сильно разбавляется. В пересчете на потребление вредных веществ активным и пассивным курильщиком, доза последнего оказывается существенно, на порядки ниже (см. [4]) — и при том в случае нахождения пассивного курильщика в небольшом прокуренном плоховентилируемом (без открытых окон и т.п.) помещении с толпой курящего народа — типа ирландского бара. Резонно предположить, что в случае нахождения пассивного курильщика *tête-à-tête* с человеком, выкуривающим 1–2 сигареты в час, в вентилируемом помещении большого объема, потребляемая доза вредных веществ будет ещё на порядки ниже. В уличных же условиях она оказывается столь мизерной, что не поддается выделению (на фоне, скажем, загрязненности воздуха выхлопными газами) и регистрации.

Миф 2. ПК является причиной рака, инфаркта, других заболеваний.

Данное положение, всецело справедливое при определенном его толковании, соответствующем контексте, оговорках и проч., зачастую, однако, понимается настолько вульгарно и превратно, что превращается в миф. Само по себе оно не корректно ни формально, ни содержательно. Напомним, что формальное классическое понимание категории причинности предполагает наличие следствия в случае наличия причины (по *modus ponens*). Если же мы утверждаем наличие причины в отсутствие её следствий, необъяснимым оказывается, причиной чего она является и на каких основаниях в таком случае мы вообще называем её «причиной». Наличие курения в отсутствие заболеваний, как и тот факт, что многие курильщики в итоге не заболевают, говорит, что отношение курения и связанных с ним болезней не является причинным в строгом смысле слова. Уместнее называть курение фактором, оказывающим влияние на возникно-

вление и развитие болезней, провоцирующим и отягчающим их; однако среди прочих факторов курение не всегда является ключевым — и это уже относится к содержательной стороне дела.

По сути, любая неинфекционная болезнь имеет полиэтиологию (от греч. «polys» — множественный; «aitia» — причина). В случае, скажем, инфаркта, такими причинами могут выступать тромбоз, эмболия, функциональное перенапряжение органа в условиях гипоксии и проч. Возникновение самих этих причин провоцируется сонмом факторов, среди которых — помимо возрастных изменений, ожирения, недостаточной физической активности и т.д. и т.п. — и ПК. При этом необходимо помнить, что инфаркты (как и виды рака и проч.) бывают разные, и в зависимости от того или иного типа испытывают большее или меньшее провоцирующее влияние того или иного фактора. Кроме того, часто факторы риска действуют в совокупности, и оценить вклад каждого из них отдельно представляется крайне проблематичным; тем не менее, устранение одного из них без увеличения прочих определенно уменьшает риск заболевания.

Миф 3. ПК безвредно.

«Профессор Д.Г. Заридзе опубликовал в "Международном онкологическом журнале" исследование по проблеме возникновения рака у некурящих женщин, мужа которых курят. Ученые "не обнаружили увеличения риска возникновения раковых заболеваний у женщин, чьи мужья курили сигареты с фильтром". Результаты исследований позволили профессору Заридзе заявить: "Учитывая, что сигареты с фильтром вытеснили папиросы не только в мире, но и в России, можно провозгласить, что "пассивное курение" не приводит к заболеванию раком легких"» [5]. Данное сообщение попадает обычно в контексте опровержения того, что ПК причиняет хоть какой-нибудь вред. Доказательству «безвредности» ПК посвящена работа и нескольких тематических интернет-ресурсов (одна из крупнейших подборок научных статей по этой теме — [6]).

Сам Д.Г. Заридзе, однако, в одном из своих интервью [7] говорит о том, что процитированную фразу «"вытащили" впоследствии журналисты из всей суммы информации». Отметим, что выводы исследования Д.Г. Заридзе (1998) [8], сформулированы вполне однозначно: у жен, мужья которых курят, вероятность заболевания раком легкого возрастает в 1,53 раза. Необходимо учесть и собственные замечания профессора: «На основании одного исследования судить ни о чем нельзя. Эта проблема специально исследу-

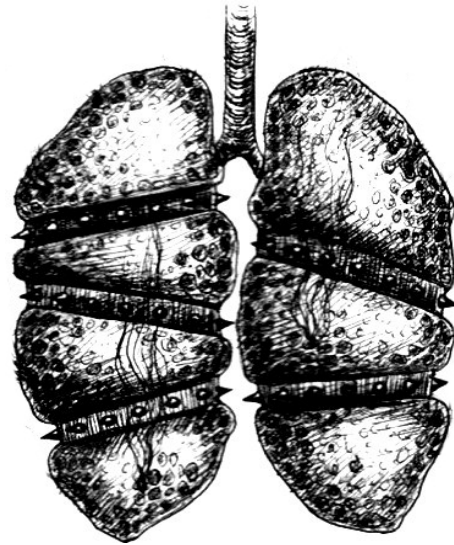
ется многими научными группами, и результаты большинства исследований показывают, что риск рака легких существует для всех пассивных курильщиков» [7].

Информацию о других исследованиях найти не трудно — её и в самом деле много. Один из выводов, подытоживающий почти 1500 страниц данных исследований по проблемам табакокурения, гласит: «Существуют достаточные основания полагать, что пассивное курение вызывает у людей рак легкого» [9].

Заключение.

По данным ВОЗ, ежегодно ПК уносит жизни «более 600 000 — среди некурящих людей, подвергающихся воздействию вторичного табачного дыма» [10]. «Загрязнение атмосферного воздуха в городах ежегодно приводит к 1,3 миллиона случаев смерти в мире», — отмечает все тот же ВОЗ [11]. Нам не до конца понятно, как именно получены эти цифры и что конкретно имеется в виду под «причиной смерти». Мы просто оставим эти цифры тут.

Андрей Мерцалов
при участии Ивана Проценко

Цитированные источники:

1. medportal.ru/enc/narcology/smoke/9/
2. pobedivraga.ru/no-smoking/passivnoe-kurenje/
3. whqlibdoc.who.int/publications/2010/9789244563915_rus.pdf
4. phys.msu.ru/rus/about/sovphys/ISSUES-2009/02(71)-2009/8624/
5. med74.ru/infoprint3028.html
6. forces.org/evidence/evid/second.htm
7. rusvera.mrezha.ru/20/20.htm
- 8..ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/9455789
9. IARC Monographs on the Evaluation of Carcinogenic Risks to Humans. Vol. 83. Tobacco Smoke and Involuntary Smoking. — Lyon, France, 2004., p. 1413
10. who.int/mediacentre/factsheets/fs339/ru/index.html
11. who.int/mediacentre/factsheets/fs313/ru/

«Что есть табак»

А.М. Ремизова

Что думали о табаке в Петербурге Серебряного века? О табаке не думали — употребляли. Вот и Ремизов пишет повесть «Что есть табак», и тоже: ради своих задач.

Какие это задачи? Во-первых, реализовать начитанность в славянских легендах и монастырских бытописаниях. Во-вторых, реализовать близкое общение с Розановым периода увлечения эросом и скоморошески острое событие: демонстрацию «реликвии» (слепок с «органа» князя Потемкина Таврического, изваянный по воле Екатерины Великой, «для назидания обмельчавшему потомству») в доме А.И.Сомова, хранителя Эрмитажных сокровищ. В-третьих, сделать свое, ремизовское: возвести ювелирно-отточенные, тонко-выделанные, медноблестящие строения русского языка. Почувствуйте удовольствие его текста:

«Многія суть басни о табакѣ на соблазнъ людѣмъ написаны. Говорятъ тако: произростаєтъ онѣ изъ червоточнаго трупа блудницы, другіе же... И все сіе ложно.

Повѣсть, которую я расскажу вамъ, любимые мои, повѣдалъ мнѣ нѣкій древній старецъ Гоносій, до полвѣка лѣтъ недвижно и въ гробномъ молчаніи простоявшій дни свои въ тѣсномъ и скорбномъ мѣстѣ у гроба Господня».

Вообще, Ремизов пишет удовольствие: шутит, бесчинствует, иронизирует. Но не со словом, слово — его заветное, самое чистое что у него есть, ради чего стоит к нему обращаться. Даже глумливейшие скабрёзности говорятся просто, ровно, естественно, не замасливая.

Так умел Розанов — серьезно относиться, даже с трепетом, к «срамному». Нет ли в этой простоте движения к некоторой силе, попытки устроить, хотя бы в языке, место здорового, крепкого единства с бушующими половыми страстями, алчущими, влекущими? Устроить не-

что иное болезненности вытеснения и борьбе с собой? Не потому ли такое внимание к карнавалу, святкам, мистерии — к месту оргиастического, низового торжества? Да и сами они не тою ли силой влекомы? Судите сами: материал, с которым работает Ремизов, не выдуман — взят из народных сказок, легенд, случаев.

Некий монах повествует о жизни афонского монастыря, в котором некогда под видом смиренника Саврасия поселился сам Дьявол. Последний всячески искушает ищущих спасения томящихся людей, различным научая их «утешениям» (мухи, мравия, тыквы...). От этого настают покой и слава монастырю, и решено даже акафист составить Дьяволу при жизни. Назначены два старца, Нюх и Дух, теперь они внимательны к Саврасию. Монастырь живет обычной своей жизнью с паломниками, гарпиями, чудищем морским и чудищем лесным. Лесное — мужик с головой птицы. Монахам хочется привести его ко святому крещению, но не бесовский ли он подкидыш (на вопросы, даже под пытками, чудище не отвечает)? Чтобы разведать это, старец Нюх прибегает к «аграрной магии», открывающей глаза, и отныне все видит в истинном свете — даже дьявольскую пляску вместо литургии. Но в тот же момент он теряет язык, и его знаков никто не понимает. Тем временем славный монастырь решает посетить Богородица с апостолами и праведными женами. С дороги жены спрашивают у игумена баню. Сразу туда пробирается и большеносый Саврасий, и «тамъ, какъ есть, управляется: и парь поддаетъ, и кладетъ женъ праведныхъ на скамейки, и растираетъ ихъ и разминаетъ, и за ноги встряхиваетъ, и парить вѣникомъ и животъ всѣмъ править», доводя до райского блаженства. Измученный непониманием Нюх, однако, находит способ поймать Дьявола в ловушку, и на праздничной службе мечущийся Саврасий обрушивается с потолка на старца, так что

оба — в деготь. В целости от них остается только «реликвия» с родинкой (изображенная для первого издания художником Сомовым).

Вы спросите, что же здесь касается табака?

Заканчивается повесть следующим образом: обретенные останки, вопреки свидетельству одной из праведных жен, приписываются Нюху, и со всеми почестями, последним целованием и т. п., хоронятся «лицомъ на востокъ солнца». Из них же по весне произрастает неведомое зелье, которого «многіе брали листы и, просушивъ ихъ, воскуривали во утѣшеніе, многіе толкли цвѣты въ ступахъ и нюхали, и многіе уносили

корень и сѣмена въ страны дальнія». Только явление ангела Господня разъясняет истинную принадлежность останков, но уже поздно: «И пошелъ съ тѣхъ поръ табакъ отъ востока до запада, смердя рты, одѣвая зубы смолой, разводя грѣхъ и соблазнъ, творя дѣло Діавола, какъ первый другъ и пособникъ начинаній діавольскихъ — всѣмъ грѣхамъ пастухъ».

Тогда что же, и курение, таким образом, произрастает из недостаточности расщепленного, убогого быта, рождающего томление?

Александр Басов

Рецензия

Сознание, вещи, Васильев

Студентам философского факультета нужен тренажер для ума, действующая модель философствования. Долгое время у них этой модели не было. Теперь она появилась. Я имею в виду книгу В. Васильева «Сознание и вещи». Книга мне нравится. Почему?

Во-первых, потому что она маленькая. Во-вторых, потому что я в ней нахожу много ловушек для ума. Например, В. Васильев говорит: «я вижу мяч». Но я-то понимаю, чтобы его видеть, я должен был его когда-то увидеть в первый раз. Но увидеть его в первый раз нельзя, потому что ощущения слепы. Значит, должен быть помощник. Этим помощником может быть либо «априори», либо Другой, или то, что в книге названо «прошлым опытом». Правда, прошлый опыт не решает проблемы видения мяча, а уводит ее в бесконечность.

Если «я вижу мяч», то какой? Тот, который нарисован, или тот, который пинают мальчишки во дворе. Мне бы очень хотелось узнать, как автор книги одно отличает от другого, не разрушая при этом структуру восприятия. На мой взгляд, мяч может нарисовать любой, не видя мяча.

Главное действующее лицо первой главы книги — причина. Для всего есть причина, —

хочу я сказать вместе с автором книги и понимаю, что все случайно. Конечно, описание — это дело сознания, которое дает материал для нового описания и, следовательно, для нового сознательного опыта. В погоне за описаниями мы опять-таки встаем на путь, который ведет к бесконечности. Прервать этот путь может только неопишемое.

Во второй главе книги мне нравится то, что Дюрренматт называл «наблюдением за наблюдающими за наблюдателями». Если я правильно понимаю, то главное действующее лицо этой главы — мозг. «Каково наше сознание, таков и мозг», — говорят сегодня продвинутые неврологи. И я повторяю вслед за ними: кто мыслит, тот не рефлексировать, кто рефлексировать, тот не мыслит. Мне нравится, что В. Васильев говорит о ментальной детерминации физического.

Чтобы появилась «приватность ментального», о существовании которой говорит В. Васильев, на мой взгляд, нужно было когда-то нейтрализовать внешнюю детерминацию и освободить то, благодаря чему можно будет потом галлюцинировать.

В заключение я хочу сказать студентам: читайте книгу В. Васильева «Сознание и вещи» и завидуйте.

Федор Гиренок

Мераб в аналитическом соусе

Само название книги Дианы Гаспарян провокативно и привлекает интерес: «Философия сознания Мераба Мамардашвили». Для философов эта книга интересна, потому что сейчас философия сознания ассоциируется с разделом аналитической философии, а Мераб Мамардашвили совсем не похож на аналитического философа; для людей, не знакомых с философией, — потому что тема сознания сама по себе стимулирует размышления, интригующа и таинственна. Но, конечно, надо признать, что книга обращена по большей части к читателям, имеющим философский багаж, что, правда, не отменяет возможности ее прочтения, особенно некоторых фрагментов, людьми, такого багажа не имеющими. Отчасти потому, что рассуждения о сознании в книге часто опираются на обыденные интуиции, здравый смысл.

Данный текст вряд ли можно назвать рецензией, так как в нем нет рассуждений о том, насколько, к примеру, хорошо или плохо Диана Гаспарян представила позицию Мераба Мамардашвили, так как рецензент некомпетентен в этих вопросах. Поэтому это будет больше реакция на саму конструкцию, и интерпретационные моменты здесь исключены, реакция человека, интересующегося аналитической философией, на критику.

В той мере, в какой эта книга для философов, ее общий замысел может показаться парадоксальным. Несмотря на то, что идеи аналитической философии сознания за последние несколько лет стали более известными в России, не эта традиция в первую очередь определяет формирование представления о сознании или представление о способе тематизирования сознания в нашей философской среде, в которой

превалируют трансцендентальные, феноменологические подходы. И в целом книга выстроена как ответ физикалистским, натуралистическим исследованиям сознания. И если Вы знаете об аналитической философии сознания в общих чертах или не знаете ничего, то доводы против ее подходов, скорее всего, покажутся убедительными. Хотя это несколько не помешает получить общее понятие о философии сознания Мераба Мамардашвили, ведь философские тренды, составляющие его суть, хорошо известны нашей публике. Но учитывая, что оригинал книги был написан на английском языке и предназначался для аналитических философов, не знакомых с континентальной философией, для них философия сознания Мераба Мамардашвили должна была стать знакомством не только с его мыслью, но и в целом с основными положениями о сознании в феноменологической, другими словами — в континентальной традиции. Эта книга должна была открыть целую область изучения сознания, показать альтернативу. В то время как для наших читателей она альтернативу закрывает, то там, то здесь показывая нерелевантность понимания сознания в аналитической философии.

О сознании можно говорить на языке самого сознания — вот, пожалуй, главный принцип изучения сознания в философии Мамардашвили. Почему это так? Потому что сознание носит трансцендентальный характер, оно обуславливает возможность всего. Но то, что обеспечивает возможность всего, не может быть обусловлено тем, что оно обуславливает. Поэтому созна-

ние нельзя редуцировать к языку, которым мы описываем вещи. К тому же сознание не является вещью или объектом, оно выстраивает саму вещь или объект, поэтому мы опять не можем изучать сознание на языке, описывающем вещи, поэтому невозможно использовать эмпирические данные для прояснения того, что такое сознание и как оно работает. Сознание спонтанно, поэтому оно исключено из причинно-следственных связей как внутри своих актов, как в отношении с объектами, которые оно репрезентирует, так и в отношении к мозгу, который вроде бы его производит. Оно принципиально лишено причины, которой может быть Я или мозг, так как причинность — это способ связи между объектами. Поэтому оно свободно. Смысл соединяет акты сознания благодаря пониманию, и этот смысл приводит нас к символу как специфической операции обобщения, которая присуща сознанию. Эмпирическое сознание — это оксюморон. Опыт возможен благодаря сознанию, а само сознание не может быть дано.

Вот в общих чертах основные положения о сознании философии Мераба Мамардашвили.

Трансцендентальное сознание — это общая схема любого сознания: на Земле или в далекой галактике. Но вот беда, если вы признаёте, что сознание трансцендентально, одновременно надо принять то, что его носитель разумен. А это очень сильная посылка. Понимание, смысл, высказывания, умозаключения, символ — все это ведет к языковой компетенции. Положим, субъект не обладает языком, тогда он не обладает рациональностью, тогда он не обладает сознанием, тогда Это не субъект. Или субъект с нереализованным сознанием. Но это невозможно! Трансцендентальное сознание не разбивается, оно или есть, или его нет. Трансцендентальное сознание исключено из времени, поскольку оно его реализует. В философии Мераба Мамардашвили ни разу не акцентируется внимание на том, какова же структура сознания. Мы только знаем, что «видения» благодаря действию априорных механизмов становятся видением чего-то.

По сути, трансцендентальное сознание лишено сущности, оно есть — и все. С другой стороны, Мамардашвили, следуя своим платоническим симпатиям, эту сущность допускает. Таким образом, элемент вешности из представления о сознании не изъят, как не изъято и положение о его реальности. Получается, в одних моментах сознание трансцендентально, в других — сущностно и реально. Момент со свободой сознания тоже не ясен. Устраняя мслящего, Я из актов сознания, как принадлежащих ему, сознание просто случается. Смысл обеспечивает связь (а не Я). В других местах свобода сознания — это возможность альтернативных

сценариев. И здесь альтернативные события привязаны к субъекту, ведь смысл не выбирает альтернативу. Действующего субъекта нет в сознании, потому что оно свободно, и одновременно он есть по той же причине. Очевидно, мы имеем дело с разными понятиями свободы, но Мамардашвили не проясняет этот момент.

Сознание, о котором говорит Мамардашвили, является результатом дескриптивного построения. Дескриптивный метод налагает довольно жесткие ограничения. Например, вы описываете химические процессы как химические, это значит, что вы не имеете права пользоваться языком физической науки, иначе предмет, представляющий совокупность химических взаимодействий, перестанет быть химическим. То же самое с сознанием: если язык, описывающий акты сознания, содержит отсылку к химическим взаимодействиям, то вы автоматически перестаете описывать сознание. Поэтому положение, что сознание надо описывать на языке самого сознания вполне правомерно. Что мы можем иметь результатом дескриптивного анализа сознания? Априорные схемы и положения. На этом разговор о сознании заканчивается. Правда, как было сказано выше, Мамардашвили не касается вопроса структуры сознания, для него важнее выделить перечисленные свойства сознания, чтобы решить более широкую мировоззренческую ценностную проблему.

Неужели больше вопросов о сознании не осталось? И неужели аналитическая философия так промахнулась?

Давайте разберем вопрос о причинности.

Мамардашвили говорит, что отношения между сознанием и телом не каузальны из-за их разнородности. Но ни один аналитический философ не скажет, что где-то в мозге биохимические процессы обрываются и затем появляется сознание. Нет, одни нейронные процессы переходят в другие, и это все, что есть в мозге. С другой стороны, каузальные отношения не предполагают однородности взаимодействующих сторон.

Философия сознания разнообразна, в ней есть люди, отстаивающие нередуктивную природу сознания по тем же доводам, что и Мамардашвили.

А теперь представьте, я обжег ногу раскаленным утюгом, приложился очень сильно, и из-за неловкости не сразу смог отнять его от ноги, самое плохое, что я вижу весь этот процесс с самого начала. Представили? Вот какие события происходят в моем сознании. Акт первый, я вижу утюг, затем вижу его на своей ноге. Акт второй, невыносимая боль. Эти состояния вспыхивают и сменяют друг друга беспричинно в потоке сознания. Правда? Согласитесь, каждый из нас допустит, что за этим скрывается некоторое физическое событие и некоторое

нейронное событие. Давайте исключим эти события из данной ситуации. Тогда остается голое содержание сознания. Но будет ли в нем ощущение боли? Если бы уют был только интенциональным объектом и не был бы объектом реальным, то, конечно, нет. Почему в нашем мире случается так, что наличие сознательных состояний невозможно без состояний, которые описываются не на феноменологическом языке, а на языке физики и нейронауки?

Научные данные обнаруживают глубокую фундированность конкретных состояний сознания нейронными процессами. Да, предельные условия этих состояний возможно описать априорными построениями. Но почему они именно таковы? Мамардашвили говорит, что это свобода сознания, которое произвольно случается. Но соотнося различные неврологические случаи и примеры из нашей обыденной жизни, мы обнаруживаем, что у тех или иных состояний сознания есть обязательные экстернальные компоненты. Иными словами, мы должны допускать наличие в разной степени обязательных физических коррелятов сознания (сама эта степень является предметом дискуссии). Да, анализируя собственный опыт, мы можем прийти к мысли, что имеющиеся в нем предметы являются интенциональными, и только через интенциональные содержания, через нутро сознания, мы приступаем к миру. Но здесь нет никакой онтологической констатации, а только познавательная.

Трансперсональное сознание, о котором пишет Мамардашвили, само по себе не добавляет очков в пользу своей реальности. Более того, оно представляет собой набор абстрактных прав и логических, во многом даже спекулятивных построений. Но всё-таки у сознания есть сущность, считает Мамардашвили. Это связано с тем, что акты сознания конституируются пониманием, ответственным за сложение многообразного, выражаясь кантовским языком, в единое. Понимание — это нечто мистическое и главное в сознании, оно не может быть устранено из него. Именно понимание указывает на то, что сознание обладает некоторой сущностью. Кстати, сходной точки зрения придерживается и такой известный аналитический философ, как Джон Сёрл. Но ни тот ни другой не могут показать, как понимание ведёт к онтологическим утверждениям о сознании, разве что негативно: понимание не впишешь в схемы и правила. Однако всё это на грани манипулирования нашими интуициями. И есть концептуальные и эмпирические ресурсы редуцировать эссенциальность понимания. К тому же у нас нет оснований делать такой вывод даже с феноменологической точки зрения: в некотором смысле здесь мы наблюдаем отрыв от феноменологиче-

ской традиции, ведь, как утверждают ее исследователи, неправомерно смешивать нозматическую активность сознания с пониманием, хотя бы потому, что это привносит психологический элемент в феноменологическое построение. И возможно, именно в этом скрывается источник гипостазирования роли понимания у Мамардашвили.

Вообще, позиция Мамардашвили допускает параллелизм между сознанием и физическими процессами. Устраняя причинные отношения между ними и добавляя к трансцендентальному сознанию сущность, мы диагностируем эпифеноменализм. Надо заметить, что отсутствие возможности какого-либо взаимодействия между чередой физических событий и сознательных обусловлена самим дескриптивным подходом, где сознание изучается как сознание. Поэтому мы просто должны признать, что мир шире правил дескрипции, и аналитическую философию не интересует сознание вообще, а сознание в этом конкретном мире, в конкретных состояниях, а не схемах. Наряду с атомами и пустотой мы обнаруживаем нечто еще, просыпаясь после сна без сновидений мы обнаруживаем нечто еще. И нам интересно, как среди естественного порядка вещей располагаются эти удивительные состояния сознания, нам интересен их онтологический статус. Никакая феноменологическая дескрипция не скажет о реальности сознания. Трансцендентальные схемы могут реализовываться без приписывания им специфических качественных качеств, достаточно будет вербальных отчетов, указывающих на действие априорных механизмов. Мы хотим не только описать сознание, но и объяснить его во множестве других фактов о мире. В этом — оправданность изучения сознания в русле натуралистической традиции, вовсе не ведущей к физикалистской онтологии.

Вот, казалось бы, совсем небольшая книга побуждает к активному обсуждению. И я чувствую, что не совсем справился с собственными мыслями и с концепцией сознания Мераба Мамардашвили, в том числе потому, что она поднимает более глубокий вопрос: можем ли мы найти путь синтеза феноменологических и натуралистических теорий сознания? Есть попытки сделать это, но они остаются за бортом данного текста. В целом, книга «Философия сознания Мераба Мамардашвили» Дианы Гаспарян не оставит равнодушным к проблеме сознания никого, она построена так, чтобы разговаривать с философом, соглашаться и спорить. И если вы интересуетесь философией Мераба Мамардашвили, обязательно возьмите эту книгу в попутчики.

Тюбингенский кружок

Шеллинг, Гегель и Гёльдерлин

Часть вторая

На первый курс Тюбингенского теологического института Гегель и Гёльдерлин были зачислены в 1788 году. Шеллинг поступает в 1790. С этого года они живут в одной комнате, между молодыми людьми завязывается дружба, приносятся клятвы на верность. Они чувствуют свое превосходство над всеми: первые в учебе, первые в кутеже. Но проходит несколько лет — и вот они уже на пороге «взрослой» жизни.

Гегель, окончив институт в 1793 году (диссертация «Об испытаниях вюртембергской церкви»), становится частным учителем. Есть миф, который поддерживает, например, Рудольф Гайм и который нам нужно разрушить: в выпускном свидетельстве Гегеля якобы значится, что он «идиот в философии». В одной из версий этого документа есть фраза «в философии никаких стараний не проявил». Но это вторая версия, которую делали правительственные чиновники в Штутгарте, и она содержит ошибку; в тюбингенской же версии написано «проявил много стараний». Шеллинг вскоре разделит с ним ремесло слуги-воспитателя. Гёльдерлин уезжает в Йену учиться у Фихте, сообщая оттуда своему младшему другу, что именитый мыслитель не пошел в философии дальше тюбингенского студента. Дружба продолжается по переписке. Они грезят о Невидимой Церкви, но боятся цензуры и прибегают к закрытой почте и масонским каналам. Потом сын Гегеля, Карл, издавая переписку отца, вычистит из нее все связанное с революцией и масонством. На публикации Шеллинга Гегель еще боится ответить что-то, кроме «я еще только ученик». Собственные работы он боится публиковать. В ответ на язвительные письма Шеллинга

о попытках тюбингенских богословов доказать бытие Бога Гегель лишь робко отвечает: «а разве так нельзя?» Тогда же у Гегеля зреет план перевести «Письма» Жан-Жака Канта, швейцарского революционера. Перевод выйдет в 1798 году во Франкфурте у издателя Егера, и Гегель будет скрывать свою причастность к этой публикации всю жизнь.

Во Франкфурт он приехал на службу к масонскому семейству Гогелей, куда его пристроил Гёльдерлин, который в 1796 году навестил Шеллинга в Тюбингене и потом отправился во Франкфурт учительствовать. Тогда же начались и хлопоты о месте для Гегеля, и последний напишет другу (и, возможно, для потенциальных работодателей) откровенно масонскую поэму «Элевсин», где будет воспевать богиню Цереру. Ирония судьбы в том, что, когда Гегель будет претендовать на место профессора в Йене, он подаст работу о планетах, но стройные, ничем не подкрепленные спекуляции нарушит открытая за шесть месяцев до этого карликовая планета Церера. На работу его, впрочем, примут. Но до этого он проработает несколько лет у Гогелей.

В это время у живущего во Франкфурте Гёльдерлина — нежный роман с Диотимой, Сюжеттой Гонтар, в доме мужа которой он служит учителем. Нужно сказать, что должность эта была мало уважаемая, и всем троим нашим героям случалось испытывать и унижения, и постоянные подозрения в революционной пропаганде среди детей. Сочетание этой грубости с любовью к матери семейства нанесли поэту глубокую травму, и в 1798 году он бежит из Франкфурта, а через четыре года, узнав о внезапной смерти возлюбленной, погрузится в безумие.

Но прежде рождается самое большое прозаическое произведение Гёльдерлина, эпистолярный роман «Гиперион» (первый том 1797 года,

второй — 1799). Это история о преданной дружбе, несчастной любви, невозвратимом золотом веке Греции и неудавшейся революции. Одна из проблем романа: можно ли путем насилия создать идеальное общество? Главный герой говорит своему другу: «Ты все-таки предоставляешь государству слишком большую власть. Оно не вправе требовать того, к чему не в силах принудить. Но то, что достигается любовью и духовным воздействием, нельзя вынудить. Так пусть государство к этому не прикасается, иначе придется пригвоздить все его законы к позорному столбу. Клянусь, тот, кто хочет сделать государство школой морали, не ведает, какой он совершает грех. Государство всегда оттого и становилось адом, что человек хотел сделать его для себя раем. Государство — жесткая скорлупа, облекающая зерно жизни, и только. Оно — каменная стена, ограждающая сад человечества, где растут цветы и зреют плоды. Но зачем ограждать сад, в котором высохла почва? Здесь поможет одно: дождь с неба». Как тут не вспомнить «Первую программу...»!

Но творчество не спасёт поэта. Он придёт из Германии в Бордо пешком (почти тысяча километров!), в лохмотьях, грязный и усталый. По пути он заглянет в Мурхард, к Шеллингу, но друг, озабоченный своими делами, лишь напишет Гегелю с просьбой позаботиться об их брате. Гегель ответит лишь словами сочувствия. Гегель — друг, которого он называл братом, — перекатил общение, как только почувствовал первые нотки сумасшествия в голосе поэта. Гёльдерлин угаснет в 1843 году в бедности, болезни и забвении. Последние годы жизни он проведет под чужим именем, ища пристанища на чердаке у столяра. Нельзя, правда, совсем сбрасывать со счетов работу Пьера Берто, который уже в XX веке пытался доказать, что болезнь была лишь притворством. Но зачем бы это могло понадобиться поэту? С другой стороны, это могло бы объяснить (если они знали о притворстве и его причине) откровенно мерзкое поведение его друзей.

В 1798 году Шеллинг, ставший в двадцать три года профессором (без диссертации!), — звезда европейского уровня и уже затмил Фихте, которого обвинили в атеизме и прогнали из Йены. Шеллинг уже создал свою натурфилософию (в которой, кроме прочего, предвосхитил создание синтетической (корпускулярно-волновой) теории света, сформулированной в 1923 году) и развивает философию тождества. Итак, два друга в Йене (что случилось благодаря непосредственной помощи Гегелю со стороны Шеллинга, которому тот долгое время, не нуждаясь в услугах, просто не писал). Гегелю уже тридцать один, он никому еще не известен, ни одна его работа (очень радикальные как богословски,

так и политически) не издана. Он стремится догнать друга. Свое преподавание он открывает прениями о философии Шеллинга. С декабря 1801 года они вместе издадут «Критический журнал философии» (в издательстве Котты вышло 2 тома, по 3 тетради каждый). Пишет туда в основном Гегель (но статьи выходят без подписи), ведя настоящую стрельбу по-македонски (оружием своим они называют дубину, кнут и линейку) по всем знаменитым тогда философам: Канту, Кругу, Шульцу, Рейнгольду. Хотя и Шеллингу принадлежит несколько работ, например, «Об абсолютной системе тождества», «О конструкции в философии» и, может быть, «Об отношении натурфилософии к философии вообще».

Зимой 1801–1802 года Гегель читает курс «Логика и метафизика», летом — «Естественное право». Курсы не пользуются особой популярностью (на первый записалось только 11 человек). Но весной 1803 года Йену покидает ради места в Вюрцеге Шеллинг. У Гегеля словно развязываются руки, и он набирается смелости объявить, что прочитает курс «Система спекулятивной философии». В семестре 1805–1806 годов он в первый раз читает историю философии. Вальтор Йешке, известный гегелевед, считает, что именно синтез этого курса и разработок по философии духа и сотворили своеобразие «Феноменологии». Гегель чувствует, что у него мало публикаций, и срочно нужно что-то, что помогло бы соперничать с влиянием Шеллинга. Эта книга, «Наука опыта сознания» (в последний момент название Гегель изменит на «Феноменологию духа»), будет окончена в октябре 1806 года. В феврале же 1807 года квартирная хозяйка подарит Гегелю сына, Луи. Позднее философ будет не против подать совет по педагогике, но воспитание собственного первенца он загубит полностью: в юности обласканный всем светом, включая великого Гёте, юноша закончит свои дни в Батавии, в иностранном легионе, куда он запишется, спасаясь от позора незаконного рождения и холодности отца.

Пока Гегель работает над «Феноменологией», Шеллинг пробует свои силы в искусстве, общается с йенскими романтиками и женится на Каролине Шлегель (этой истории, увы, у нас нет возможности коснуться в этом эссе). В «Альма-нахе муз» публикуются шеллинговские стихи.

«Феноменология духа» уничтожила дружбу Гегеля и Шеллинга. В начале трактата (а дальше Шеллинг, судя по всему, и не прочел) Гегель сделал несколько бестактных выпадов. Размежевание пойдет по линии оценки возможности интеллектуального созерцания (положительная у Шеллинга, отрицательная у Гегеля), роли предикации (логическая у Шеллинга, $A=A$, где A занимает место и субъекта, и

предиката, что дает нам тождество, например, Я есть Я, разум есть разум; и спекулятивная у Гегеля, где пустому субъекту значение придает содержательный предикат, как в суждении «Бог есть») и природы Абсолютного (безличная конструкция-тождество, из которой можно лишь исходить, у Шеллинга, и результат познания живого Духа у Гегеля). Заметим, что Гёльдерлин в вопросе о предикации стоял ближе к Шеллингу, чем к Гегелю, что следует из небольшого его наброска «Суждение и бытие».

Впрочем, не стоит представлять разрыв очень резким. 2 ноября 1807 года (за три месяца до рождения Луи) Гегелю пришло довольно мирное письмо от Шеллинга. «Ты сам упомянул о полемической части, я должен быть со своей стороны справедливым и не отнести полемику на свой счет. Речь идет о злоупотреблениях эпигонов, хотя в работе не проведено это различие. Ты можешь себе представить, как я был бы рад от них избавиться. В чем у нас действительно могут быть различные убеждения и точки зрения, можно легко выяснить и решить, ибо примирить можно все. За одним исключением. Так, я должен признаться, не могу понять, зачем ты противопоставляешь понятие созерцания»... и так далее, вплоть до дружеского прощания. На это письмо Гегель не ответил. Шеллинг еще раз обратился к нему, уже более едко, в своей работе «Философские исследования о сущности человеческой свободы», где протестовал против гегелевского сектанства и призывал к совместному исканию истины. На все это Гегель не обратил внимания. Зато когда умрет Каролина (самый тяжелый момент в жизни автора философии тождества), Гегель, не написав ни строчки Шеллингу, будет называть его женой мегеры и хохмить, не черт ли ее утащил.

После разрыва они встретились еще раз. Когда Шеллинг в 1830 году лечился в Карсбаде. Гегель был дружески расположен. О науке не говорили, вспомнили прошлое, «сошлись, как старые сердечные друзья», как напишет Шеллинг в письме. Их тексты продолжают пересекаться.

«Мировые эпохи» — это «Наука Логике» по Шеллингу. В диалоге «Клара» Шеллинг ругает Гегеля за наукообразность. Словно в ответ, в лекциях по истории философии Гегель забывает (!) где учился (пишет, Лейпциг и Йена!) и где родился друг его юности (пишет, Шерндорф!). Забывает он и кем был Шеллинг, называет его фиктеанцем (!). После смерти философа абсолютного идеализма именно Шеллинга призовут читать лекции, имея целью только одно: пресечь влияние гегельянства.

Сложно сказать, почему так случилось. Грешат на друга Гегеля и врага Шеллинга Паулюса. Грешат на зависть и желание превзойти друга. Грешат на «Феноменологию духа» и «Систему трансцендентального идеализма». Я думаю, что все это, имея место быть, сыграв свою роль, является вторичным в этой драме людей, столь близко подошедших к тому, что они полагали Богом. Я думаю, что, рассуждая об этом, мы должны всегда иметь в виду, что, оглушенные камнепадом слов об Абсолютном, люди все еще остаются людьми. Создав теории всеобщего единства и живого духа, философы не смогли прожить их, не смогли, познав Абсолютное, стать им. Во вступительной лекции в Берлинский университет 1818 года Гегель сказал: «решение философствовать принимается в чистом мышлении (мысль пребывает наедине с собой), оно принимается словно в безбрежном океане; нет больше красок, нет точек опоры, погасли все фонари, дружески светившие нам. Горит одна звезда, она внутри, это полярная звезда. Но, конечно, некий озноб заставляет содрогнуться душу, оставшуюся наедине с собой: она еще не знает, куда приплывет». Вечный страх не соответствовать этому ознобу, этому Богу внутри себя, — вот что гонит прочь от товарищей и от самого себя.

Все мы — не без греха. Стоит поменьше бросать камни.

Магия с мясом

Интервью с редактором журнала «Апокриф», членом Ordo Templi Orientis и Комитета Общественной Самозащиты, биологом и оккультистом Романом Олеговичем Адриановым, также известным как Элиас Отис, автором книг «Ловцы Левиафанов» (2000), «Дхаскар» (2002), «Мифо-история Некрономикона» (2009), «Liber Rosae Ventorum» (2012, 2013).

Финиковый Компот: Каков онтологический статус оккультного?

Роман Адрианов: Такой же, какой всего остального окружающего мира. Оккультное — не нечто принципиально сокрытое, это то, что ещё недостаточно хорошо доступно другим методам познания. То, что было оккультным тысячу лет назад, сейчас может быть во ведении академической науки, а то, что оккультно сейчас, может стать вполне научным в будущем.

ФК: Что значит, что есть нечто сокрытое, такое, что поддается изменению посредством нашей воли?

Р.А.: Это значит, что многое вообще поддается изменению посредством нашей воли, но кое-что из этого сокрыто от тех, кто не очень озабочен тем, чтобы это открыть. А так — была бы воля...

ФК: Я знаю, что сейчас среди рефлектирующих оккультистов популярны две концепции: психологическая и прагматическая. Какая тебе ближе и каковы мыслимые альтернативы?

Р.А.: Насколько понимаю, под прагматической понимается «наколдовать что-то для себя», под психологической — познание и развитие? Тогда мне ближе психологическая, хотя, конечно, познание и развитие помогают и «наколдовать

что-то для себя». Оккультист на пути развития может обрести сиддхи, но если сиддхи становятся самоцелью, познание сильно замедляется. Но, в принципе, лучшая альтернатива — совмещать приятное с полезным.

ФК: У тебя есть рассказ про автостоп. На что больше всего, на твой взгляд, похожи отношения водителя и автостопщика? Какое сравнение будет более точным: религиозное (проситель — даритель), экономическое (покупатель — продавец) или какое-то иное?

Р.А.: Хороший автостоп — это симбиоз. Стопщик получает возможность добраться до нужного места, водитель — компанию (может быть, интересную), возможность не заснуть в дороге, почувствовать себя сильным и кому-то нужным. Может быть, и чистку кармы заодно.

ФК: Недавно мы обсуждали джедайское движение (подробнее см. С. Науменко «Что значит быть джедаем», ФК №3, апрель 2013). Очевидно, что у него был пик (2005–2007 года), а потом спад, продолжающийся и поныне. Паша (Павел Ивашкин, автор биологических статей в «ФК») предположил, что причиной этого изменения было появление и большая популярность социальных сетей, которые, в отличие от форумов и ЖЖ, направлены на обмен короткими сообщениями, фотографиями, лайками и подмигиваниями, а не полноценными нарративами. Это понизило качество споров и, соответственно, ослабило движение. Что ты об этом думаешь?

Р.А.: Очень похоже на то. Во всяком случае, это могло бы быть одной из причин. Среди других мог бы назвать то, что 2005-й год — это год выхода «Мести ситхов» (последующие 3D-серии, видимо, оказались не столь впечатляющими; у меня есть мысли, почему именно, но это отдельный разговор), а массовый интерес к фильму постепенно идёт на спад. Также, веро-

ятно, это «успехи» современного образования, которое не очень-то старается прививать детям интерес к глубоким духовным изысканиям, тогда как поколение, смотревшее «Звездный Войны» ещё на пиратских кассетах в конце 80-х — начале 90-х, как правило, уже нашло себе другие средства приложения сил.

ФК: Что есть?

Р.А.: Картошку с мясом.

ФК: Меня восхищают качество и успех журнала «Апокриф», который ты редактируешь. Сколько часов в день ты тратишь на работу над ним?

Р.А.: Как говорится, «простой русский дзенствующий медитирует круглые сутки». «Апокриф» — моя главная медитация, стало быть, и работаю я над ним круглые сутки — даже когда занят чем-то другим.

ФК: Какой смысл ты вкладываешь в отношение «учитель—ученик»?

Р.А.: Это преемственность поколений, для ученика — возможность узнать что-то новое, получить совет, критичнее относиться к своей

практике и т.д., для учителя — чётче сформулировать для себя свои взгляды и систематизировать знания, и много чего другого. При этом надо различать «того, у кого чему-то научился» (это может быть практически любой человек, кто знает и умеет что-то такое, чего не знаешь или не умеешь ты сам), и учителя (того, у кого ты берёшь не столько какие-то знания, навыки и т.п., сколько некую «матрицу поведения»); а также последователя (того, кто старается за тобой повторять) и ученика (того, кто пытается приспособить перенятые от тебя знания, умения и взгляды к своим собственным нуждам).

ФК: О чем ты никогда не думал?

Р.А.: Никогда не думал об этом.

Быть масоном

Среди обычных людей (масоны их называют «профанами») распространено мнение, будто у масонов существует какая-то тайна, выраженная в знаках или словах.

Эту тайну можно узнать (подслушать, подсмотреть, прочитать в Интернете) — и дальше все будет чрезвычайно хорошо.

Последовавшие в последние годы многочисленные публикации о масонах вызвали у «профанов» чувство глубокого разочарования. Да, они узнали многое об истории масонства, о знаках и паролях... Но где же тайны?

Настоящая тайна у масонства одна — это участие в церемониях. Вы можете сколько угодно читать легенду третьего градуса, повествующую об убийстве Хирама — но ничего не поймете до тех пор, пока сами в качестве Хирама не будете «убиты» во время инициатической церемонии.

Если ваша масонская карьера пойдет хорошо, то вскоре вы уже сами начинаете убивать Хирамов — то есть проводить инициатические церемонии. С каждым новым убитым Хирамом вы все глубже и глубже погружаетесь в тайну масонства...

Изучать масонство по книжкам — практически бесполезное занятие. Конечно, вы можете что-то узнать, но это знание будет весьма и весьма поверхностным. Я не верю профессорам, рассказывающим о масонстве, если они не являются моими братьями. Они не знают, как чувствуется тепло свечи на лице, когда у тебя завязаны глаза. Как упирается острие шпаги в обнаженную грудь. Как, получив удар молотком в лоб, ты падаешь безоглядно на руки братьев, твердо веря, что тебя подхватят...

В основе масонства (как и любого инициатического ордена) лежит идея о квантовых уровнях сознания. Принцип таков: если с человеком провести какие-то манипуляции, то он перейдет на более высокий уровень осознания действительности. Вот эти манипуляции мы, масоны, называем «ритуалами». Уровни сознания — «степенями» или «градусами».

Масон — это человек, который достаточно

много знает (по крайней мере, в области истории и мистики) и достаточно много понимает. У него достаточно расширено сознание для того, чтобы овладевать новыми идеями.

В этом, кстати, и состоит секрет продвижения масонов на Западе. Масоны «захватили все» не в силу какого-то «всемирного заговора», а просто потому, что в условиях капитализма начальство предпочитает брать на работу людей с незашоренным мышлением. Кроме того, если начальник какой-то фирмы — масон, то он скорее возьмет на работу того, кого давно знает по ложе. Это, разумеется, при прочих равных условиях.

В профанском мире ошибочно считается, что чем выше у масона градус, тем высшую ступень в масонской иерархии он занимает. На самом деле это не так. Место в масонской иерархии определяется не степенью, а должностью. Основных, базовых градусов, составляющих символическое масонство, всего три: ученик, подмастерье и мастер. То, что выше — это уже дополнительные градусы. Хотя часто они называются «высшими». Для того чтобы занимать должность Великого Магистра Великой Ложы, достаточно иметь степень мастера. Хотя, конечно, большинство масонов стремится получить как можно больше дополнительных градусов.

При встрече масоны всегда начинают обмениваться между собой масонской информацией — это очень важная часть нашего образа жизни. Где какие работы проводились, кто куда поехал, кто какие книги написал (или, на худой конец, прочитал)...

Человек, впервые столкнувшийся с масоном, познакомившийся с ним близко, попадает в состояние шока. Оказывается, что совсем рядом существует какой-то параллельный мир с «рыцарями» и «Великими Магистрами»!

Как оказываются внутри этого мира? Очень и очень постепенно.

Сегодня ваш старый знакомый оказался масоном (вы дружите два года, но этого не знали).

Через месяц вы в костюме и галстуке собираетесь на «белый стол» (так называется масонская трапеза, на которой допускается участие «про-

фанов»).

И вот проходит пару лет, вы с удивлением смотрите в свой ежедневник:

«С утра — заказать книгу Папюса «Генезис и развитие масонских символов»

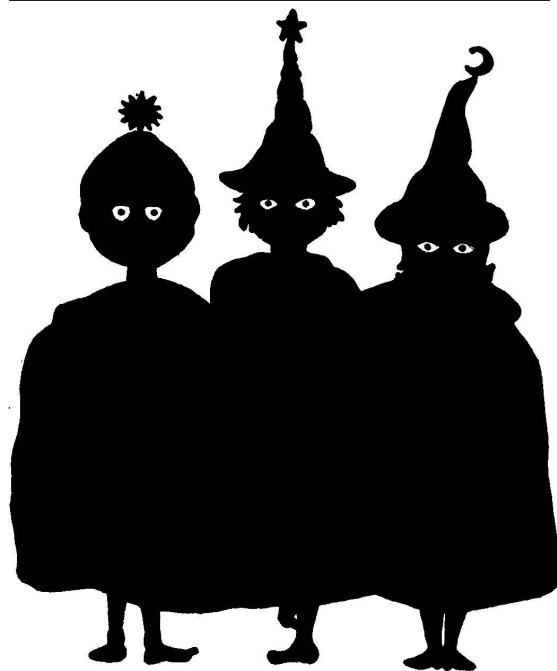
В 14:00 — заехать в ателье, забрать рыцарские плащи.

В 17:00 — позвонить Мастеру ложи, напомнить, чтобы взял шпагу.

В 18:00 — работы во 2 и 3 градусах».

И это все в свободное от основной работы время. Так что большинство людей, с которыми вы сталкиваетесь, даже не знает о том, что вы масон. Зато как приятно бывает встретить своих — обитателей такого же параллельного мира!

Александр Рыбалка

Тема следующего номера: мусор.
Мы ждем ваши тексты и рисунки
до конца 2013 года.

Номер подготовили:

Фомин И., Логинов Е., Мерцалов А., Ким Л., Бурмина К., Басов А., Усачева М., Дубров И., Быков Е., Гудошников К., Апфельбаум Д., Бояршинова Е., Винокуров В., Кузнецов А.

Гиренок Ф., Рыбалка А., Данилов И., Климовицкий П., Постников А., Шмалый Д., Сайфулина К., Метелкина С., Лебедева А., Проценко И., Беляевских Н., Сукальская А., Романов А.

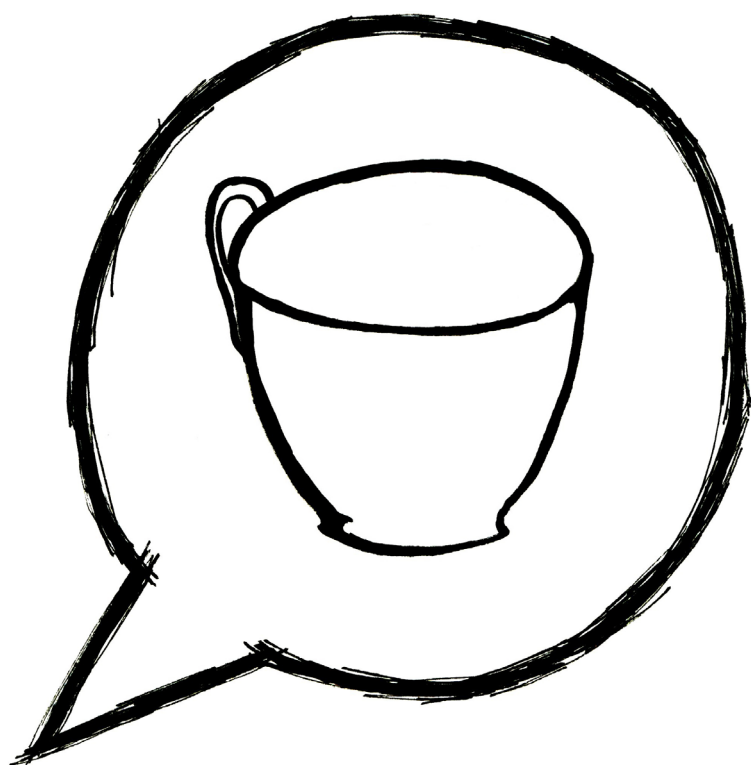
Коллектив журнала Финиковый Компот поздравляет Дмитрия Миронова, автора статей «Эвальд Хекер о Смешном и Комическом» (ФК №3, апрель 2013) и «Об объективном опыте опоздания: субъективная заметка» (ФК № 4, август 2013), участника семинаров и встреч Философского кафе, с успешной защитой кандидатской диссертации (октябрь, 2013).

Редакция выражает благодарность Совету Молодых Ученых Философского факультета МГУ за оказанную помощь.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Контакты:

loginovlosmar@gmail.com (Евгений Логинов — главный редактор), fominivan@gmail.com (Иван Фомин), lidakim93@gmail.com (Лида Ким), vk.com/philoscafe (группа Философского кафе), dateralmcompote.blogspot.ru/ (блог, где публикуются материалы, не вошедшие в выпуск, и где хранится интернет-архив номеров). Адрес редакции и издателя: 141980, г. Дубна, ул. Сахарова, д. 19.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77 – 55624 от 09.10.2013.

Соучредители журнала: Евгений Логинов, Андрей Мерцалов и Иван Фомин.

Отпечатано в ООО «Дубненская типография».

Адрес типографии: 141980, Московская область, г. Дубна, ул. Курчатова, 2а. Зак.170, 500 экз.

Номер вышел в свет 30 октября 2013 года.

© Финиковый компот, 2013
